

ОЛЬГА ЛУКАС

ТРИНАДЦАТАЯ
РЕДАКЦИЯ
НАПИТОК БОГОВ

ЧТОБЫ ЖЕЛАНИЯ
ИСПОЛНЯЛИСЬ,
ИХ НАДО ЖЕЛАТЬ.

Ольга Лукас

Тринадцатая редакция.

Напиток богов

Серия «Тринадцатая редакция», книга 4

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3955915

*Лукас О. Тринадцатая редакция. Напиток богов: ИД "Комильфо";
Санкт-Петербург; 2012
ISBN 978-5-91339-201-5*

Аннотация

Раз в тридцать лет, в день летнего солнцестояния, всего на полчаса на Землю возвращаются те, кто были когда-то людьми. Чтобы вспомнить: каково это – испытывать самые обыкновенные человеческие чувства. Они пьют эмоции, как коктейли. Только ингредиентами для этих коктейлей служат обычные люди. А в роли официантов выступают безответные исполнительные мунги. На этот раз поляной для коктейльной вечеринки назначен Санкт-Петербург. Так что в Тринадцатой редакции опять аврал: вчера была ещё уйма времени, а сегодня уже опаздываем. Как всегда, впрочем.

Содержание

За несколько дней до...	5
День первый	14
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Ольга Лукас

Тринадцатая редакция.

Напиток богов

Обратите внимание на то, что «Тринадцатая редакция» – это серия книг. И лучше всего читать её в таком порядке:

1. «Тринадцатая редакция»
2. «Тринадцатая редакция. Найти и исполнить»
3. «Тринадцатая редакция. Модель событий»
4. «Тринадцатая редакция. Напиток богов».

Продолжение следует...

«Тринадцатая редакция» в этих наших интернетах:

ЖЖ – <http://13-redakcia.livejournal.com/>

ВКонтакте – <http://vk.com/redakcia>

Twitter – http://twitter.com/#!/13_redakcia

За несколько дней до...

Когда Алиса была маленькой, родители часто отправляли её к бабушке в Санкт-Петербург. Тогда ещё Ленинград. Имя изменилось, а город остался прежним. Вот странно. Алису по-прежнему зовут Алиса, но по сравнению с этим городом она изменилась настолько, что впору брать себе имя КПДЖ469058 и принимать марсианское гражданство.

Даже трамваи остались такими же, какими она их запомнила: грохочут по рельсам, дребезжат стеклами, и вслед за стеклами трамваев дребезжат стекла домов и, должно быть, сервизы в застекленных горках, и стёкла самих горок тоже позвякивают, и хрустальные люстры подпевают им тоненько-тоненько, и от этой многоголосой переключки стекла и хрусталя кажется, что сам город едет куда-то по невидимым рельсам, прокладывает маршрут из сегодняшнего дня в завтрашний. А может быть, это едет у города крыша. А может, и не у города.

Бабушка любил ездить на трамваях. В кармане у него всегда была пачка талончиков, которые надо было вкладывать в компостер, похожий на редкозубую металлическую пасть. Пасть прокусывала в билетах аккуратные круглые дырочки, и Алисе всегда – ну, почти всегда – выпадал «счастливый билет». Тогда ей казалось, что «счастливый билет» – это норма, в порядке вещей. Если ты едешь в ленинградском трам-

вае, то тебе непременно выпадет «счастливый билет». Только много позже она поняла, что дедушка нарочно копил такие билеты к её приезду и ловко вкладывал между обычными «несчастливыми» талонами, вытаскивая очередной «подарок судьбы» как бы случайно.

Трамваи были самыми подневольными механическими животными в этом городе. Алиса составила целую таблицу свобод и несвобод колёсных и моторных существ. Например, частный автомобиль мог ехать туда, куда ему заблагорассудится, а автобус уже слушался маршрута. Хотя ему ничего, вроде бы, не мешало свернуть немного в сторону. Автобус подчинялся только расписанию, а троллейбус был привязан рогами к электрическим проводам. Даже когда он поворачивал туда, куда нужно, провода на всякий случай били его электрическим током – чтоб знал, что ему будет, если убежит с трассы. Но хуже всех было трамваю. Рога его томились в плену у проводов, а колёса были закованы в узкие колеи рельсов. Тут уж не сбежишь в сторону от когда-то проложенного маршрута, не скроешься от своей судьбы.

Из этой стройной таблицы выпадали поезда: пригородные и дальнего следования. Уж они-то никогда не были пленниками человека. Наоборот – пленником поезда становился сам человек, решившийся на далёкое путешествие. Ведь стоило ему сделать что-то не так – и его могли высадить в метель и буран на маленькой платформе в степи. Вокруг – ни души, только волки воют. И когда поезд скроется, станет по-

нятно: это никакая не степь, а другая планета. И выбраться отсюда не поможет даже другой поезд – потому что не ходят здесь поезда, только космолёты летают: приземляется один, раз в сто лет, из него выходит бригада ремонтников, поправляет никому не нужные рельсы и шпалы, подновляет платформу – и поскорее покидает это неприветливое, пустынное небесное тело.

Алиса проводила взглядом знакомый питерский трамвай, оставшийся далеко позади. Автомобиль по-прежнему был самым свободным из подневольных механических животных большого города, а водитель, которого она наняла, умел уходить из-под шаха, именуемого пробкой, и избегать мата – вечного дорожного затора – с ловкостью опытного гроссмейстера.

Можно целый день разъезжать по этому городу – особенно по набережным! – и не надоест. Но ради такого развлечения Алиса не стала бы покидать Москву: там тоже есть и набережные, и автомобили. И пробки. Алиса знает сто тридцать три сравнительно весёлых способа убить время в пробке. Когда-нибудь напишет об этом книгу. Когда времени будет побольше.

Зачем она на самом деле сюда вернулась? А вот об этом она никогда не напишет – даже в свой блог.

Было такое сказочное время, когда дедушка любил только одну Алису и привозил её на трамвае в выдуманный им самим Музей городских историй. Летом ли, зимой ли, ран-

ним утром или на закате дня, Музей этот был загадочным и чуть зловещим, необъяснимым, как памятник давно исчезнувшей цивилизации, и притягательным, как фильм «Детям до 16». Ни одна Пещера Ужаса с ним бы не сравнилась.

Находился этот Музей... Да он где угодно мог находиться. Были бы в меру мрачные, в меру проходные дворы – у дедушки всегда была наготове жуткая или смешная история.

Алиса и дедушка вступали под тёмные гулкие своды, проходили через пахнувший плесенью и кошками подъезд, выбирались на воздух и оказывались пленниками замка: двора без единой арки. Дверь за спиной со стуком захлопывалась. Алиса зажмурилась, вертелась вокруг своей оси, раскинув руки, а когда открывала глаза – не понимала, с какой стороны они вошли в этот двор, и тут ей становилось по-настоящему страшно. Алиса и дедушка измеряли двор шагами, прикидывая, не будет ли им слишком тесно в этой камере. Находили, что будет тесно, и очень скоро. И начинали планировать побег. Алиса подбегала к двери, которая, как ей казалось, привела их сюда, распахивала её – но не видела сквозного прохода. Только щербатые высокие ступеньки уходили вверх, в темноту. Следующая дверь. Следующая. Страх – всамделишный, ледяной, а не газированный – сковывал движения. Пути назад не было.

«Такой эффект. Внутри можно войти, а наружу – уже нельзя. Придётся нам куковать тут вечно», – говорил дедушка.

«Как же жители попадают домой с улицы?» – испуганно спрашивала Алиса.

«Они влезают через окошко первого этажа, с той стороны дома. Поэтому всегда носят с собой приставную лестницу. Вот ты берёшь с собой приставную лестницу, когда выходишь из дома?»

«Не беру. А если постучать по подоконнику – нам спустят лестницу?»

«Нет. Они скажут – уходите, как пришли, а не то мы спустим собаку».

Наконец, дверь, ведущая в ещё один сумрачный двор – находилась. Там уже поджидала новая история. В этом дворе свершилось кровавое убийство – из мести, конечно. Имени мстителя, так же, как имени жертвы дедушка не помнил – давно это было. Но двор ничего не забыл: стоило войти в подворотню и крикнуть, даже совсем тихо – и стены возвращали, усилив многократно, последний крик человека, умершего здесь не своей смертью.

В следующем дворе, как фикус в цветочном горшке, теснился огромный дуб, а может быть и ясень. Казалось, что скоро дерево поднимется над крышами, заполнит собой всё пространство двора, но не прекратит расти, а остановится только, когда опутает корнями весь мир. Про это дерево дедушка рассказывал разное. То будто бы на его ветках жила такая умная белка, которая таскала записки от одного жильца, жившего на самом верхнем этаже, к местному дворнику,

который жил почти в подвале. Это была очень тайная переписка, и хитрая белка ни разу не попала со своей важной депешей. То выяснялось, что белка была скорее не белкой, а котом, просто с очень пушистым хвостом. Кот никому не прислуживал, зато умел мяукать третью часть фортепианной сонаты Шопена, известную также как Похоронный марш, аккуратно за три дня до того, как кому-то в этом дворе предстояло умереть. То дедушка бил себя по лбу и говорил: «Не было кота, не было белки, это вообще в другом районе случилось. А поспорил как-то один заезжий цирковой гимнаст с местным о том, кто из них выносливее. И не нашли они ничего лучше, чем повиснуть вверх ногами на этом самом дереве, где-то на уровне второго этажа, чтоб не мешать жильцам ходить вниз. Один-то повисел-повисел, потом увидел в окне красивую девушку, залез к ней, и стали они жить долго и счастливо. А второй был упрямый. Девять суток висел, пока за ним на «Скорой» не приехали. Но он от помощи отказался. Полежал немного под деревом, встал на ноги, сказал, что понял всё – и ушел. И из гимнастов, и вообще из города. Пешком ушел. Больше его никто не видел».

Алиса всегда хотела спросить – ел ли этот гимнаст что-нибудь, пока висел? И – самое главное – ходил ли он в туалет? Но из тесной кадки с легендарным деревом дедушка уже вёл её за руку в другой двор, где белыми розами благоухал крошечный садик. В самом центре садика стоял мраморный памятник какой-то девочке, по виду – не старше самой Али-

сы. Дедушка говорил, что девочка эта в блокадную зиму пошла искать пропавшего брата, и не нашла, а только сама замёрзла. Жители дома похоронили её прямо во дворе, а после войны памятник поставили – очень уж она хорошая была. А брат нашелся через два дня. И до сих пор живёт в этом дворе, за цветами ухаживает. Тогда-то Алиса и поняла, что все беды с девочками происходят именно из-за братьев.

Но самый главный двор дедушка припасал напоследок. Они попадали в него всякий раз по-разному, и Алиса никогда не могла угадать, когда же вместо очередного крошечного дворика перед ними раскинутся вольные просторы. Казалось, что этот двор путешествует по городу, как плавучий остров, сегодня он тут, завтра – там. И нет у него постоянного адреса, а дедушка, как опытный мореход, чувствует подшвами течения, которые прибивают непоседливый двор к берегу то одного, то другого района.

В центре плавучего двора стоял двухэтажный заброшенный домик. Штукатурка на нём обвалилась, на крыше росли какие-то сорняки. Дедушка подводил Алису к домику, и они по очереди заглядывали внутрь сквозь разбитое окно. Осторожно-осторожно, чтобы не потревожить Мёртвого Хозяина. «Знаешь ли, Алиса, что говорят про этого Мёртвого Хозяина?» «Знаю. Ты сто раз рассказывал. Но расскажи ещё, пожалуйста!»

Но однажды... однажды они всё-таки его потревожили. Всего одно мгновение Алиса видела это бледное лицо. То ли

солнце осветило дальний угол заставленного всякой рухлядью помещения, то ли само лицо светилось в темноте. Красивое мужское лицо, бледное, как мел, спокойное, как маска.

Дедушка ничего не заметил, и, кажется, это был их последний поход в «Музей городских историй». Потому что потом все сказки – и ужасные, и прекрасные – закончились. Началась совсем не сказочная реальность. Родители подарили Алисе братика, не спрашивая её мнения, назначили дочь «старшей», велели «стать взрослой и самостоятельной», «быть во всём примером» – и так далее...

С появлением братика отменились почему-то и поездки к дедушке. Он сам начал навещать их. И, конечно, как и все взрослые, полюбил внука – ведь тот же был мальчишкой! Ему, решил дедушка, будет куда интереснее слушать истории про Мёртвого Хозяина Дом, про гимнаста, который всё понял, и про памятник в крошечном розовом саду. Даже квартиру свою дедушка завещал не ей, Алисе, а братцу Денису, который ни с кем и никогда не пытался быть милым.

Ну и пусть. Алиса любила дедушку не ради квартиры, а просто любила. И теперь ей нужно только найти плавучий двор из детства и ещё раз собственными глазами увидеть Мёртвого Хозяина Дом. Может быть, тот бледный мужчина, который глядел из окна, всё ещё ждёт её? Не зря же он ей тогда показался.

«Эх, дедушка, дедушка. Разгадка наверняка была у нас в руках. Но мы слишком спешили на трамвай, чтобы успеть к

обеду».

– Время к обеду, – не отрываясь от дороги, произнёс водитель. – Тут есть тихая траттория неподалёку, её очень хвалят. Останавливаемся?

– Если хвалят, да ещё и тихая, то вообще волшебна. И поменьше бы рож любопытных.

День первый

Лето поселилось в каждой трещине асфальта, в каждом уголке, никогда не видевшем солнца, в каждом человеке. С утра до вечера все окна в Доме Мёртвого Хозяина были открыты настежь, да и двери в кабинетах старались не затворять. Сквозняк гулял по коридору, сдувал бумаги со стола Шурика и утаскивал их на подпись шефу. Выуживал из-под дивана в приёмной потерянные ещё в начале весны, но всё ещё очень важные документы. По-своему укладывал непослушную шевелюру Виталика, так что к вечеру он был похож то ли на героя анимэ, то ли на модного бездельника, несколько часов кряду потратившего на построение сложной причёски. Швырял в окно комья тополиного пуха и давал Наташе законный повод выбраться из-за конторки и навести порядок.

Страшно подумать, что сотрудники Тринадцатой редакции были бы лишены всех этих радостей, не будь коммерческий директор Константин Петрович Рублёв таким законченным скупердяем. Сначала он вычислил, что кондиционеры потребляют слишком много электроэнергии – так, что летом придётся платить за электричество в два раза больше, чем зимой, а это унижительно. А затем рассказал коллегам такую страшную историю о микробах размером с воробья, которые гнездятся в любом кондиционере и только и ждут

наступления темноты, чтобы вцепиться в чьё-нибудь беззащитное горло, что и сам в неё поверил.

Так что электроэнергию в Доме Мёртвого Хозяина этим летом экономили.

Местные дворники тоже экономили энергию: сидели под навесом возле дворницкой, рассказывали друг другу сказки на языке, понятном всем дворникам мира, позволяя двору жить своей жизнью.

Двор всегда жил, как хотел, а теперь, почувствовав поддержку со стороны, и вовсе разошелся. Дом Мёртвого Хозяина зарос травой и кустарником, как Робинзон, ещё не собравший из подручных материалов электробритву – бородой. Вокруг всего особняка Тринадцатой редакции пробивались сквозь асфальт кусты шиповника. На стенах, в незаметных трещинах и выбоинах, покачивались ромашки и одуванчики. Крыша была покрыта сплошным ковром клевера особой четырёхлистной породы, а у некоторых рекордсменов было пять и даже шесть листков.

Константин Петрович каждую неделю докладывал шефу о беспорядочном прорастании растений в ненадлежащих местах и предлагал принять меры, но видел в глазах начальства лишь радость отменно напроказничавшего и не пойманного с поличным хулигана. Так что коммерческому директору оставалось только смириться с беспорядком. Смириться-то он смирился, но всё же выпросил у соседей старую газонокосилку и спрятал её в подвале – на тот случай, если

шеф всё-таки наиграется и даст указание обрить несчастное здание.

Как и подобает самому организованному человеку в мире, чьей-то злобной насмешливой волей заброшенному в этот абсурдный балаган, Константин Петрович пришел на работу за десять минут до положенного срока.

– У меня в кабинете такой бардак, как будто там потопталась толпа Виталиков. И два маленьких Шурика, – заявил коммерческий директор, выходя в приёмную, чтобы выпить стакан превосходной холодной воды. Любимец публики, кофейный автомат, умеющий творить чудеса, был временно позабыт. Летняя жара вывела на первый план кулер.

– Это ветер, это просто ветер. Вы забыли закрыть окно на выходные, и дверь в кабинет тоже не закрыли, – пояснила Наташа.

– Не люблю лето, – заявил Константин Петрович, – мне кажется, что однажды летом я умру. Жара, духота, все уехали в отпуск. Из крана на кухне капает вода. Люди расслабились, разоделись, как на курорт. Никакого порядка. Никакой дисциплины. Хаос, анархия, смерть.

– А зима?

– Зима – это жизнь. Логика падающих на землю совершенных ледяных кристаллов. Бодрящий мороз. Короткий световой день, не дающий расслабиться и потратить зря хотя бы секунду.

– Помнится, зимой вы говорили совсем другое.

– Что же?

– Что снегопад – это непорядок. Что не должны молекулы льда валиться на голову прохожим без всякой логики, и что человеку с высшим экономическим образованием скакать в темноте по сугробам – унижительно.

– Надо же. Не помню, – пожал плечами Константин Петрович и нацедил себе ещё один стакан воды.

День только начинался, но жара уже вступала в свои права, прогоняла с улиц праздных гуляк, расставляла всех по местам не хуже вьедливого Цианида.

Дом Мёртвого Хозяина, видимо, не очень любил такую погоду. Во всяком случае, внутри у него сохранялась приятная прохлада. А в подвале и вовсе можно было замёрзнуть.

Вращая глазами, из своей каморки рядом с душевой прибрёл Гумир. Видимо, ночь он провёл за компьютером, замёрз и закутался в первую подвернувшуюся под руку тёплую вещь. Это было махровое полотенце интенсивно-желтого цвета с изображением резвящихся котят, утят, крольчат и каких-то ещё неизвестных науке милых пушистых крошек.

– Как француз под Москвой, – поприветствовал его Константин Петрович. – У кого покрывало спёр?

– Там валялось, – неопределённо махнул рукой компьютерный гений, и добавил тоскливо:

– Только французов твоих, вроде, одним холодом под Москвой морили. А меня ещё и голодом.

Наташа заглянула в свой тайник в ящике стола, но обна-

ружила там только записку:

«Нас срочно на хавчик пробило, мы всё отсюда съели. Вернём с процентами.

Твои Гусевы.

P.S. Почему – вы, когда это мы?

Твои Гусемы!»

Хлопнула входная дверь, и в приёмную ворвался Лёва. В руках у него была большая коробка, на лице – непривычно умиротворённое выражение.

– Здорово всем, кому пирога свежего? – гаркнул он и бережно опустил свою ношу на диван. Затем, не дожидаясь ответа, принялся сбрасывать с журнального столика всё лишнее и ненужное. Потом сорвал с Гумира полотенце, тщательно протёр им стол, вытряхнул из левого рукава скатерть, из правого – острый длинный нож, поставил коробку на чудесно преобразившийся столик и жестом фокусника поднял крышку. Под крышкой дышал и жил, испуская превосходный аромат, свежайший мясной пирог.

– М-м-м! – зажмурился Константин Петрович. Он, кстати, сегодня не завтракал. Как знал, как знал!

– Вот ты какой, оказывается! – с завистью протянула Наташа. – У меня так не получается. Расскажешь, как делал?

– Да оно само, ваще-то, – смущённо признался Лёва. – Вчера вечером, значит. Сижу дома, смотрю в окно – там уроды какие-то ходят. Злят – но не бесят. Раздражают – но не настолько, чтобы пойти и действовать. Муторно на душе и

непонятно. Ну, я пробежался по квартире, поорал немного, чтоб разобраться в себе. Хэви-металл врубил, думал, соседи придут ругаться – так нет. Все на дачах, в отпусках. Надувную боксёрскую грушу я ещё на той неделе с ноги убил. И как-то незаметно получилось, что я тесто замесил. Помял его, погонял по кадке, чтоб ему мало не показалось. Скалкой его как следует раскатал: пусть своё место знает. Потом взял нож, наточил. В холодильнике было мясо. Не удержался я, изрубил его мелко. Тут вроде полегчало. Стою, смотрю – что со всем этим делать? Видимо, пирог. Кушайте, значит.

Лёва смущённо поглядел на всех по очереди – мол, не подумайте, что я такой хороший, это чистая случайность – и стал делить пирог на восемнадцать равных частей.

Достали четыре тарелки. Присели на диван. Предались незапланированному кревоугодию. Тут, конечно, идиллии пришел конец, потому что явился Виталик. Ладно бы молча явился – так он тут же начал общаться со всеми разом, а когда ты ешь вкусный пирог, а с тобой хочет общаться Виталик – лучше пирог на какое-то время отложить.

– Запылившийся в долгом походе рыцарь желает отведать кофе! – объявил нарушитель покоя. Виталик был единственным, кто сохранял верность кофейному автомату. И тот в благодарность творил для него такой дивный напиток, что даже сам иногда жалел, что не может его попробовать.

– А Лёва пирог сварганил, – с нажимом сказал Гумир. – Не забывает меня. Кормит.

– А что это моё полотенце тут делает? – не замечая упрёка, спросил Виталик, приподнимая за один край ярко-желтое недоразумение с котятами и утятами.

– Будешь? – указывая ножом в сторону пирога, спросил Лёва.

– Я-то? Нет, не буду. Спасибо.

– Заболел? – удивился Константин Петрович. – Ты когда в последний раз от дармовой еды отказывался?

– Тогда же, когда и ты, – не спасовал Виталик, – но теперь – всё. Вероника сказала: растолстеешь – выгоню.

– Она тебя до сих пор не выгнала? – с сомнением спросил коммерческий директор. Когда-то давно, на первом курсе, суровая и прекрасная Вероника любила его, а он этого не понял. А теперь – кто бы мог подумать – снизошла до этого ... до этого Виталика. Как-то унижительно оказаться в одной компании с таким человеком.

– Да садись, не кипеши, – хлопнул по спинке дивана Лёва. – Не выгонит тебя никто. Она пошутила.

– Да? – Виталик сцапал чашку с кофе, отпил немного, зажмурился, сделал несколько прыжков в сторону журнального столика, потом замер на месте в позе задумчивой цапли. – А вдруг не пошутила?

– Она что, вообще не шутит? – удивилась Наташа.

– Шутит, – поёжился Виталик, – но редко, на моё счастье.

– Да будь мужиком, алё! Ешь давай! Твоя Вероника даже не узнает ничего, – подзадоривал Лёва.

– Узнает! Она меня на весах взвешивает, – не поддался на соблазн Виталик. – Вы как хотите, а я лучше пойду к себе, подальше от...

– Иди, иди. Пока тебе есть чем заняться – иди, – милости-во кивнул Константин Петрович.

– А что такое? – наострил уши Виталик.

Константин Петрович элегантно движением отодвинул пустую тарелку. Установил защиту, словно повязал на шею белую крахмаленную салфетку. И выложил карты на стол:

– Мне тут Маша на выходных написала... – непроизвольно зажмурился, вспоминая её чудесное письмо. – Так вот. Их новый шеф, Жан, считает, что Техники скоро вовсе не будут нужны. Компьютерные технологии шагнули вперёд. Разведчику останется только принести контакт, а специальная программа сама всё просчитает.

Оглядел всех, наслаждаясь эффектом. Снял защиту. И невозмутимо принялся за пирог.

– Ну вот, тем более, – спокойно сказал Виталик, – уволите вы меня, стану я иждивенцем. А если Вероника меня выгонит, то кто меня станет содержать? Жан? Или вы с Машей? Что-то я сомневаюсь.

– Да не уволим, – смилостивился коммерческий директор, – найдём уж какую-никакую работу. Будешь у Наташи с Лёвой на подхвате. Ну, или пол подметать – а то уборщица уже второй месяц требует повышения зарплаты.

– О, благодарю вас, благородные и добрые господа, что

сжалились над сиротинушкой! – поклонился Виталик. И застонал:

– Проклятые выходные! Чёртовы ролики! Ролики – и вообще коньки – это моё больное место. Вернее, я весь теперь – одно сплошное больное место. Ну, пойду, поползу на своё рабочее место. Пока вы наслаждаетесь тут жизненными благами.

– Ты совсем не изменился после встречи с Вероникой, – неодобрительно сказала ему вслед Наташа.

– Это значит, что всё складывается как надо, – обернулся Виталик. – Когда совместная жизнь меняет людей, то разве ж это жизнь? Это какая-то бесконечная и мучительная пластическая операция души.

* * *

Если Дом Мёртвого Хозяина регулировал свою температуру лучше любого устройства климат-контроля, то недостроенное здание на окраине Санкт-Петербурга, в котором помещались некоторые не самые секретные шемоборские лаборатории, похвастаться таким умением не могло. Особенно тяжело приходилось запертому в одиночной подвальной камере Дмитрию Маркину.

Ни сквозняка, ни ветерка. От жары потрескалась даже кафельная плитка на полу в туалете. Душевую закрыли, и оттуда по ночам слышится неприятный клёкот. Вода из крана

лётся тёплая и ржавая. Пить её можно только закрыв глаза.

Невидимая стена в коридоре надёжно охраняет выход. Раз в день, ранним утром, Эрикссон убирает её и позволяет пленнику выйти на поверхность и подышать настоящим воздухом. Наверное, можно было бы убежать, воспользовавшись моментом. Но спустя час необъяснимая сила загоняет несчастного обратно в камеру.

Но сегодня не было даже прогулки. Ковыряя ложкой безвкусную серую кашу, Дмитрий Олегович представлял блестящие подносы, фарфоровую посуду, витающий над тарелками аромат жареного мяса, сдобренного приправами. «Скатерть белая залита вином». Да, в сущности, сгодился бы и портвейн, чтобы горло промочить.

Эрикссон возник в углу камеры неожиданно, как всегда, но бывший ученик успел краем глаза заметить какое-то движение, и, обернувшись, увидел, что образ учителя складывается у него на глазах из маленьких разноцветных точек. Последний мазок плюхнулся на рукав – и Ингвар как будто ожил, превратился из голографического изображения в почти настоящего человека.

Казалось, что жара утомила даже мёртвого шемобора: во всяком случае, задания, которые он давал своему подмастерью в последнее время, с каждым разом становились всё однообразнее и скучнее.

– Ну что. Очередной талантливый, но непокорный коллега двинул кони? – ухмыльнулся Дмитрий Олегович, и бодро

отодвинул тарелку в сторону. – И мне нужно придумать, как сделать его посмертное существование максимально невыносимым?

– Хорош мерзавец, – сказал куда-то в сторону Эрикссон, – сам отделался лёгким испугом и пожизненной каторгой, а с каким удовольствием обрекает на адские муки тех, кто провинился меньше, чем он сам!

– Начальник, а за что прогулка-то отменилась? – строптиво спросил пленник. – Я вроде хорошо злодействовал.

– Моя бы воля – я бы тебе и завтраки с ужинами отменил. Но, – Эрикссон поднял глаза вверх, – те, кто стоит выше меня, полагают, что так ты быстро скопытишься. А прогулка не отменилась, нет. Она у тебя нынче долгой выйдет.

Следует напомнить, что зелёные хвосты – тайный шемоборский отдел по борьбе с должностными преступлениями – не только занимаются измышлением наказаний для провинившихся сотрудников, но и предотвращают то, что пока ещё можно предотвратить.

– Дельце пустяковое, – сказал Эрикссон, – не надорвёшься. Угодил в ловушку один блистательный работник – не чета тебе, злобному завистливому мальчишке, подбросившему отраву своему учителю. Блистательного работника надо вырывать. Это сделаешь ты.

– А что ж это он, такой изумруд яхонтовый, угодил в ловушку, из которой даже я его смогу вытащить? Я у вас вроде бы хожу в неудачниках и двоечниках. Или ветер перемене

нился?

– Не переменялся! – оборвал Эрикссон. – Он – внутри ловушки. Ты будешь – снаружи. И ты, мой друг, никогда, никогда в такую ловушку не попадёшь. Но не потому, что ты умнее. Ум тут вообще ни при чём.

– А что причём?

– Сердце причём. У тебя его нет. Вернее, есть, но ты им не пользуешься.

– Шемоборчик втюрился? – ухмыльнулся Дмитрий Олегович. – Бедный зайка. Ему отказали, да? И он, весь такой с разбитым сердцем, не может толком работать? И я должен объяснить бедолажечке...

– Если бы ему отказали! Если бы! Наоборот! Наш бедный коллега угодил в ловушку, имя которой – иллюзия счастливой семейной жизни, – делая ударение на каждом слове, почти прокаркал Эрикссон. – Он увяз в этой иллюзии, и сам старательно её поддерживает.

– Ну и пусть поддерживает, если такой дурак. Лишь бы работал.

– Так в том-то и дело, дружок, в том-то и дело. Он не работает. Вернее, работает – но на себя, а не на нас. Уже пятерых носителей упустил. Почём зря занимает квадрат! Ведь остальные кураторы видят его и ребят своих туда не посылают. И только мы с тобой знаем правду.

– Да? И что мне делать с этой правдой? Влюблённые логических доводов не приемлют. Скрутить парня и силой от-

везти на другой край света? Или прикончить его возлю...

– Напоминаю, – казённым голосом прогнусавил Эриксон, – что функционируя в интересах второй ступени, ты не имеешь права причинять материальный вред живым людям.

Дмитрий Олегович почувствовал, как нагревается охранная цепочка у него на шее.

– Твоя задача – выкопать из земли талант нашего заблудшего коллеги. Уж что-что, а разрушать чужие иллюзии ты умеешь. Ну, что расселся? Собирайся, раб!

– Скажите, а в тех местах, ну, куда вы меня отправляете на долгосрочную прогулку – там так же жарко, как здесь? Или, может быть, в этих благословенных землях иногда идут дожди? Или даже снега?

– Ага. А также случаются цунами, землетрясения и падения с неба кусков раскалённой лавы.

– И как некоторые в таких условиях умудряются сохранять свои иллюзии? Значит, вертолёт уже подан и стоит у дверей? Я готов.

– Вертолёт-от ему. Гонять ещё из-за тебя ценную технику. Далеко ехать не придётся. Остановишь на шоссе маршрутку – через полчаса будешь на месте. Устроишься где-нибудь – тогда и получишь дальнейшие указания.

– За что ж вы так Петербург-то ненавидите? – покачал головой бывший ученик.

– Это ты его ненавидишь. А я успел полюбить. Вот и тебе подыскиваю задания рядом.

– У Джорджа можно поселиться? Или обязательно нужно найти клоповник с тараканами и мокрицами, чтобы осознать всю свою ничтожность?

– Я мог бы поймать тебя на слове и сказать – ищи клоповник. Но мне важно, чтобы ты справился с задачей. Мне это очень важно. Поэтому, так и быть, селись у своего Хозяина Места. Заодно будет, где от мунговских Бойцов укрыться.

Дмитрий Олегович вспомнил последнюю встречу с грозными старушками Гусевыми. Что-то с каждым разом ему всё труднее и труднее от них ускользнуть. Как бы на этот раз не влипнуть. Ай, ладно. Он вскочил на ноги. Лишь бы вырваться на свободу, а там – вокзал, багажный вагон, Владивосток, Япония, Аляска...

– Я тебя везде найду, – осклабился Эрикссон. – Постой, постой... Ты что, собрался ехать в город в пижаме?

Дмитрий Олегович взглянул на себя и зажмурился. Когда сидишь несколько месяцев взаперти, как-то перестаёшь обращать внимание на такие мелочи, как приличная одежда. Единственный свой выходной костюм – уже не слишком белую рубашку и порядком истрепавшиеся джинсы – он как раз перед завтраком выстирал, потому что вода из-под крана в туалете полилась вдруг не ржавая, а вполне прозрачная, и пленник решил не упускать редкую возможность.

– У вас тут на верхних этажах найдётся, должно быть, средство для сушки одежды? – заискивающе спросил он.

– У нас вся одежда, равно как и верхние этажи, соткана из

иллюзий. Мы и сушим её исключительно силой мысли. Сядь на место, неудачник.

– Послушайте, послушайте, нет! – топнул ногой Дмитрий Олегович. – Я могу и в пижаме. То есть, я вполне... Если вдуматься...

– Я, наверное, не рассказывал тебе, – улыбнулся Эрикссон, – забыл. Неподадалёку от шоссе, чуть севернее от нас, располагается один элитный сумасшедший дом. Не успеешь проголосовать на обочине, как тебя вернут в крепкие объятия психиатрической бригады.

– Я готов рискнуть. Правда, я всё им объясню. Только, пожалуйста, не лишайте меня возможности вырваться из этого ада хотя бы на несколько дней! – воскликнул Дмитрий Олегович. И прикусил язык: теперь-то учитель нарочно оставит его догнивать в этом чулане.

– Слушай, а ты сейчас, на одно такое маленькое мгновение, даже на человека стал похож. Успокойся, задание денёк подождёт. Оно подождёт ещё пару недель, прежде чем нужно будет переходить к более серьёзным мерам. Но ты всё-таки не трать время зря. Сиди, обдумывай операцию. Завтра подъём в шесть утра и выступление в сторону населённого пункта, для конспирации именуемого Северная столица.

– А почему в шесть утра?

– Потому что гуманизм мне не присущ. Ещё вопросы будут?

Эрикссон сложил на груди руки и в последний раз окинул

взглядом бывшего ученика, как бы размышляя – не отобрать ли у него едва забрезживший шанс вырваться на свободу? А потом исчез так же, как появился. Кривая его ухмылка немного повисела в воздухе – затем пропала и она.

* * *

Небывалое дело – за пятнадцать минут до начала летучки в кабинете Даниила Юрьевича сидело всё сознательное население Тринадцатой редакции, а самого шефа ещё не было. Не было и Шурика. Впрочем, на последнего особенно никто и не рассчитывал: в воскресенье вечером он только-только должен был вернуться из отпуска, и в данный момент наверняка спал и видел во сне узкие средневековые улочки старых европейских городов.

В кабинете было вполне прохладно, но никто не спешил закрывать окно. На широком подоконнике сидели сёстры Гусевы и доедали пирог.

– Вкуснотища! – с набитым ртом сказала Галина. – К слову о вкусном. Слыхали? Автор «Краткой истории ядов» – отравился!

– Насмерть? – вздрогнула Наташа.

– Да нет, конечно, – успокоила Галина. – Салат несвежий купил в магазине, на презентацию сегодня не придёт. А вот в прошлом году автор «Истории огнестрельного оружия» насмерть повесился.

– Странно, что не застрелился, – не удержался от комментария Виталик.

– Ага, вот, кстати, о тебе, – вынырнул из папки с документами Константин Петрович. – Ты на прошлой неделе что в книжном натворил?

– Я не творил. Я Лёву подменял. Он зашивался, ну и отправил меня на презентацию с автором кроссвордов. Чтоб дедуле было не скучно сидеть там и представлять своё очередное творение.

– Он-то сидел. А вот ты почему бегал? Схватил микрофон и носился с ним по магазину! Очевидцы свидетельствуют: ты преграждал дорогу покупателям и выкрикивал: «Купите кроссворд! Это лучшее средство от смерти!!!!» Люди перепугались, решили, что началось ограбление.

– Я просто имел в виду, что они умрут от скуки, если не будут кроссворды разгадывать. А что?

– А то, что они со страху чуть не умерли! Впервые с таким сталкиваюсь. Несмотря на то, что в магазине были проданы все кроссворды нашего автора, и даже парочка из тех, что завалились с 1978 года под столом у завхоза, магазинщики попросили никогда больше тебя не присылать!

Виталик шмыгнул носом.

– Ничего, – хищно улыбнулся Цианид, – через две недели под Сестрорецком открывается этнический базар. Мы тебя забросим туда с ящиком книг и микрофоном. Выбираться будешь сам. Что не продашь – потащишь на себе обратно.

Понял?

– Понял, понял. Разберёмся с этим через две недели, – беспечно махнул рукой Виталик.

В конце концов, если уж он все кроссворды распродал, распродаст и книги. Ну, в крайнем случае, можно сжульничать и попросить Веронику, чтобы нашла его в тёмном лесу под Сестрорецком, голодного, несчастного, сидящего на двух коробках непроданных книг, и отвезла домой. А он тогда весь месяц будет посуду мыть вне очереди.

– И чтобы все сдали отчёты! Слышите! Виталик, Лёва – отчёты за февраль! – не унимался Цианид.

– У нас же июнь на дворе, – удивлённо пробормотала Наташа.

– За какой хоть февраль, касатик? За прошедший или будущий? – поинтересовалась с подоконника Галина Гусева.

– За май, конечно, – поправился Константин Петрович. – У нас июнь на дворе, а мы за май не отчитались.

– Я тогда напишу в отчёте, что я писал отчёт! – пригрозил Виталик. – Это же часа два времени! А то с меня спросят потом – что я в эти часы делал...

– На этой, как всегда оптимистичной ноте, предлагаю и начать, – бодро произнёс Даниил Юрьевич, входя в свой кабинет. – Как отрадно видеть вас в полном... почти полном составе.

– Дети мои, сегодня у вас инспекция из РОНО, – объявил Кастор, вplывая в помещение вслед за шефом. – Ведите себя

прилично. Кто хочет плюнуть в соседа жеваной бумажкой – поднимает руку и спрашивает моего разрешения. Я не разрешу, но сам с удовольствием плюну.

Последним вошел Трофим Парфёнович. «Дети», не стовариваясь, повскакали с мест и вытянулись по стойке «смирно». Даже сёстры Гусевы скатились с подоконника, как два теннисных мячика.

– Вольно, – махнул рукой «верховный экзекутор».

Мунги бесшумно опустили на свои места, усталились в пол и постарались дышать тише. Когда на летучке появляется Кастор – можно готовиться к крупным неприятностям. Теперь, вероятно, следует ожидать катастрофы вселенского масштаба. Во всяком случае, разговор вряд ли пойдёт о повышении зарплаты.

Даниил Юрьевич невозмутимо сел на своё место, включил компьютер, раскрыл ежедневник и начал что-то зачёркивать и переправлять.

Трофим Парфёнович отошел в самый дальний угол и прислонился к стене. Если бы перепуганные сотрудники Тринадцатой редакции осмелились обратить на него взоры, их бы удивила неестественность его «расслабленной» позы: затылок и пятки плотно прижаты к стене, при этом одно колено согнуто, как по команде «вольно», которую он сам отдал оробевшим крошкам.

Кастор несколько раз прошелся по кабинету, сурово зыркнул на Виталика, осмелившегося поднять глаза от пола, по-

кружил немного хищной птицей, остановился за спиной у Константина Петровича и так стоял почти целую минуту. Надо отдать должное выдержке коммерческого директора: он не упал на пол, не стал каяться в растратах, не вскочил с места. Он даже не пошевелился. Только едва слышно вздохнул с облегчением, когда Кастор снова принялся мерить шагами кабинет.

Постепенно страх отступил: секунда сменяла секунду, а ничего не менялось. Трофим Парфёнович укоренился в дальнем углу и не подавал признаков жизни. Даниил Юрьевич продолжал расписывать ручку в своём ежедневнике. Кастор молча ходил туда-сюда, с любопытством рассматривая притихших подопечных.

Ему нравилось наблюдать за людьми, за тем, как год от года они меняются, за качествами, которые остаются неизменными, а, значит, составляют суть человеческой природы. По сравнению с прочим «неживым начальством», Кастор всегда вёл себя очень по-человечески. Он и при жизни обладал отменными актёрскими способностями, а сейчас, когда примерить другой костюм или маску можно было с помощью одной лишь силы мысли, его талант расцвел. Он давно уже на самом деле не испытывал никаких человеческих чувств и эмоций – с тех пор, как умер. Но умел изобразить их очень достоверно. Что никогда не удавалось, например, шефу Тринадцатой редакции: тот был ещё недостаточно мёртв для того, чтобы с такой лёгкостью корчить из себя живого.

За дверью раздался громкий шепот, затем она распахнулась настежь, и на пороге возник Шурик.

– Та-ак! – повернулся на воображаемых каблуках Кастор.

– Здравствуйте! – робко улыбнулся долгожданный гость.

– Добро пожаловать, – сделал гостеприимный жест Кастор. – Ну, Костя, спросите у него, спросите, как вы один умеете, то, что вам так хочется у него спросить.

– Почему ты опоздал на этот раз? – монументально воздвигся Константин Петрович.

– Да на углу движение такое... – Шурик махнул рукой куда-то вбок, в сторону воображаемого угла. Он уже начал понимать, что Кастор и Трофим Парфёнович, рассерженные его систематическими опозданиями, прибыли сюда, чтобы принять самые жестокие меры, но по инерции продолжал оправдываться. – Ну, все же знаете. Большое очень движение. Я торчал там полчаса, наверное. Ждал, пока меня пропустит кто-нибудь.

– А потом пришла какая-то добрая бабушка и перевела тебя через дорогу? – подсказал Константин Петрович.

– Да нет, я сам. Сам. Зажмурился и перебежал. Надо там «зебру» нарисовать. В помощь пешеходам.

– Надо осла там нарисовать! – сверкнул очками коммерческий директор. – В назидание кое-кому! Как можно так наплевательски относиться к терпению окружающих? Когда ты научишься управлять своим временем? Посмотри! Посмотри на всех этих людей. Они сидят тут и ждут только тебя!

– Ладно врать-то, – перебил его Кастор и посторонился, широким взмахом руки приглашая Шурика занять своё место. – Люди сидят тут и ждут совсем другого: когда мы с Трошей проголодаемся и начнём их заживо кушать.

– Управлять своим временем вам пока ещё невозможно, – прогудел из глубины кабинета Трофим Парфёнович, – вот третья ступень не имеет таких проблем. Они производят времени ровно столько, сколько им нужно.

– Как это – производят? – наострил уши Константин Петрович.

– Это нельзя объяснить. Можно только почувствовать, – отрезал Кастор. – Ну, начинайте уже свою летучку. Обсуждайте разные мелкие смешные дела, а мы пока понаблюдаем за вами.

Он удалился в тень, отскоблил от стены Трофима Парфёновича, и вот уже грозные верховные боссы сидят неподвижно на скамеечке возле дальней стены. Совсем как практиканты, которых Константин Петрович время от времени где-то находит, нагружает работой, пишет в награду отменную характеристику и, разумеется, не платит за их честный труд ни копейки. Практиканты, как ни странно, остаются довольны. Останутся ли довольны эти двое?

Как ни в чём не бывало, Даниил Юрьевич поднялся с места и присел на угол своего рабочего стола.

– Ну, как Краков? – весело спросил он у Шурика.

– Прага! Я в Прагу ездил! – гордо ответил тот.

– Да ну? Разве? А почему мы предупреждали коллег из Кракова? – удивился шеф.

– Там... – Шурик поглядел по сторонам. Ему явно не хотелось обсуждать этот вопрос здесь и сейчас. – Я перепутал названия. Они такие похожие! Понимаете. Краков – и Прага.

Две недели назад Шурик вместе с друзьями отправился в автомобильное путешествие по Европе. Через Прибалтику и Польшу – в Чехию, где они ездили по старинным городам, ели, пили, гуляли, после чего отправились в обратный путь тем же маршрутом.

Если мунг по какой-то причине покидает свой район и отправляется туда, где его никто не знает, начальство заранее предупреждает работающую там команду о том, что всё в порядке, скоро здесь будет ещё один наш человек, и это – не шемобор, не извольте его сразу на куски резать, разрешите слово молвить.

Перед отпуском Шурик так заработался, что перепутал города и страны. В Кракове его так и не дождались. Зато пражские Бойцы, не готовые к приезду гостей, сразу взяли след чужака и загнали Шурика в угол в одном чудесном прохладном дворике, где он в тишине и покое вкушал пиво. Но стоило только Бойцам взглянуть в чистые глаза предполагаемого противника, как они сразу поняли, что это существо шемобором быть не может. В итоге Шурик даже немного помог чешским коллегам – несмотря на то, что объяснялись они друг с другом преимущественно знаками. Но обо всём

этом Шурик хотел рассказать шефу отдельно, после, и только наедине.

Когда смех затих, Даниил Юрьевич откашлялся и продолжал:

– Хорошо, что ты вернулся, Саша. Потому что мы для тебя уже дело придумали. Константин Петрович сейчас расскажет.

В присутствии мунгов второй ступени необязательно устанавливать защиту: она сама накрывает любое помещение, в котором они материализовались. Но коммерческий директор дерзновенно попытался проконтролировать ситуацию пуще, чем она того требовала – и тут же увяз в каком-то потустороннем киселе. Как будто одна секунда его жизни растянулась на целую минуту, а сил в слабом его и несовершенном теле хватало только на эту секунду.

Когда Кастор (а это наверняка был он) вернул наглецу свободу, ответственный Константин Петрович, чуть сбавив обороты, ввёл Шурика в курс дела, которым тому предстояло заняться.

Несколько лет назад одному человеку понадобилось собрать в школу своего сына. Человек этот был ответственным и любящим родителем, и долго не мог найти ранец, подходящий его ребёнку по всем параметрам. Так и не нашел – сам придумал и сделал то, что нужно. Вскоре все ученики в классе уже ходили с такими ранцами. А через полгода заботливый родитель открыл небольшое предприятие по пошиву

ранцев. Даже грант получил, как молодой предприниматель, внедряющий прогрессивное и новое.

На радостях ранцев было пошито много, а спрос на них упал. Потому что ранец, конечно, это дело хорошее. Но не особо модное. А летом, когда все дети на каникулах, ранцев никто вообще покупать не хочет. И вот, как ни грустно, всё идёт к тому, что фирма очень скоро обанкротится. Но есть среди сотрудников – тех, что делают эти чудо-ранцы – один равнодушный человек. Настолько равнодушный, что желание во что бы то ни стало сохранить фирму, в которой ему, видимо, очень хорошо работается, стало для него самым главным и самым важным. И превратилось в обыкновенное выполнимое заветное желание.

– Какой хороший человек, – сказал Шурик. – Только я-то что? Это же дела бизнеса. Цифры, факты – по твоей части.

– Я пытался сделать хоть что-то, – помолчав, признался Константин Петрович, – но проект убыточный, как ни крути. Тогда мы подумали и решили передать его тебе.

– Ну, спасибо вам, ребята. За обыкновенное невыполнимое задание, – раскланялся Шурик.

– Пожалуйста! – хором сказали Виталик, Лёва и сёстры Гусевы. А потом гнусно так захихикали.

– Не расслабляемся, идём дальше, – пригасил веселье Даниил Юрьевич. – Пришло распоряжение из Москвы. Чистая формальность. Наше подразделение должно высказать сообщения относительно того, какую книгу выдвинуть на глав-

ную литературную премию года.

– Никакую не надо! – вскочила с места Марина Гусева. – Бойцы считают, что это неспортивно! Как будто объявлена олимпиада, на которую приехали разные спортсмены: футболисты там, гимнасты, биатлонисты, борцы сумо, пловцы, прыгуны, один скалолаз и детская команда по регби. Они соревновались целую неделю без усталости. А в итоге медаль получил только один человек. Потому что его выбрало жюри.

– Никто даже не приезжал соревноваться, – возразил Денис.

– Люди вообще думали, что они занимаются спортом каждый на своём поле.

– И вдруг из-за кустов выскакивает жюри: «Стоять, бояться, вас снимает скрытая камера!!!» И выбирает кого-то одного, – закончила Марина. Денис согласно кивнул.

– Вот и нам с вами надо выбрать кого-то одного. Я же говорю – это простая формальность, – спокойно сказал Даниил Юрьевич.

– Давайте быстро закончим с этим вопросом и перейдём к другим. Ну? Три-четыре!

Лёва выкрикнул имя своего кандидата. Наташа предложила троих на выбор. Денис отказался от участия в голосовании. Сёстры Гусевы поинтересовались, нельзя ли оказать на жюри премии силовое давление. Виталик, как всегда, голосовал за Йозефа Бржижковского. Константин Петрович посоветовал ориентироваться на рейтинги продаж.

Мунги как будто забыли о том, что сегодня у них – не самая обычная летучка. Расслабились. Казалось, даже Даниил Юрьевич перестал замечать грозных гостей. И вот, когда книга была выбрана и назначена, и Шурика посадили за компьютер шефа, чтобы он побыстрее написал обоснование выбора от имени и по поручению коллектива Тринадцатой редакции, в этот самый момент Кастор встал со скамейки запасных, откашлялся и объявил:

– Ну а теперь, наверное, пора переходить к делу. Делу, ради которого все вы появились на этот свет.

Умеет он привлечь и удержать внимание, ничего не скажешь. Письмо с обоснованием выбора оборвалось на полуслове, да так и полетело по электронной почте в Москву.

Кастор неторопливо приблизился к столу Даниила Юрьевича и присел на противоположный угол. Так они и сидели друг напротив друга, как два резных украшения: шеф питерских мунгов и его бывший знакомый. Симметрию нарушил Трофим Парфёнович, принявший, как всегда, неестественную непринуждённую позу: на этот раз он облокотился правым плечом о стену, голову склонил на левое плечо и так застыл.

– Вина за то, что вы сейчас услышите – это только моя вина, – разделяя слова, сказал он.

По спинам пробежал холодок. Волосы встали дыбом. Очки зашевелились на переносицах. Глаза наполнились слезами. Было понятно, что команду, как минимум, распустят.

Как минимум. После такого минимума никакой максимум не страшен.

– То есть, не воспринимайте эту ситуацию как наказание, – перевёл Кастор, – вы тут ни при чём. Просто так фишка легла.

– В вашем городе назначена встреча мунгов третьей ступени, – продолжал Трофим Парфёнович, – традиционная встреча. К которой нужно подготовить коктейли.

Сотрудники Тринадцатой редакции прижались друг к другу. Кажется, коктейли собираются готовить из них. И то верно – какие ещё коктейли станет пить третья ступень?

– Дикие вы какие-то. Они же не обременены полтью, как и мы, – напомнил Кастор и для наглядности пощёлкал себя указательным пальцем по лбу. Раздался сухой треск, потом металлический звон, потом скрежет, переходящий в тихий шелест.

– А из чего же тогда будет состоять этот пикник на обочине? – не удержался Виталик.

– Стругацкие, – сказал Трофим Парфёнович. – Это очень хорошо. Я недавно перечитывал.

– Но мы не будем превращать этот город в Зону, так уж и быть, уговорили, – снова перевёл Кастор. – Третья ступень пьёт эмоции. Чистые, сильные, без примесей. Есть список ингредиентов, утверждённый и опробованный. Ваша задача – найти людей. И привести их туда, где состоится встреча.

– И что там с ними будет? – спросил Лёва.

– Ничего не будет. Придут, угостят своими эмоциями наших гостей, забудут обо всём и уйдут. И будут жить дальше. Долго и счастливо, ну или кому как повезёт, – пожал плечами Кастор. Его, кажется, совсем не интересовала судьба будущих «ингредиентов».

– Встреча состоится в эту пятницу, в двенадцать часов дня, когда Солнце остановится на небе и изменит свой путь... – торжественно произнёс Трофим Парфёнович.

Услыхав такой прогноз, даже бесстрашные сёстры Гусевы прижались друг к другу, как продрогшие сиротки.

– Спокойно, без паники, – Кастор простёр пухленькую длань над перепуганными мунгами. – Это явление известно с давних времён, происходит каждый год в одно и то же время и называется «Летнее солнцестояние». Раз в тридцать лет третья ступень выбирает город для встречи, чтобы почтить его своим визитом в день середины лета, а первая ступень, сбиваясь с ног, ищет ингредиенты.

Мунги притихли. Замолчал и Кастор – но перед внутренним взором каждого, кто находился в кабинете, как собственные его воспоминания, проносились волшебные видения.

Во всех старых городах есть места, где всегда тихо. Причём как-то внезапно тихо. Даже автомобили проезжают там бесшумно, и реже, чем на соседних улицах. Ты вступаешь в зону тишины и сам начинаешь шагать беззвучно. Сворачиваешь с людного туристического маршрута чуть в сторону и

оказываешься в живописном месте, пустом и тихом. Любишься застывшим молчанием, идёшь дальше. И вдруг кто-то словно прибавляет звук у приёмника, транслирующего программу «стандартный городской шум». Всё, ты покинул царство тишины.

В таких заповедных местах в прежние времена уже происходили встречи третьей ступени. Случается так: солнце достигает наивысшей точки, невидимые мунги третьей ступени собираются в условленном месте, ощупывают неосязаемыми пальцами эмоции живых людей, и всё вокруг замирает, любитесь их танцем. Потом третья ступень растворяется в бесконечности, и природа отмирает. Но ненадолго: несколько часов спустя она понимает, что больше не может жить так, как прежде. И место это навсегда становится зоной покоя.

– Бывает место силы. А это, значит, будет место слабости? – задумчиво протянул Денис.

– Это будет место, в котором невозможны душевные бури! – ответил Трофим Парфёнович.

– А куда... где состоится эта встреча, на которой мы будем исполнять роль официантов? – перешел к делу Константин Петрович.

Кастор ловко перепрыгнул через стол Даниила Юрьевича, пощёлкал по клавишам, повернул монитор компьютера лицом к публике и указал нужную точку на карте города.

– Вот здесь всё будет. Улица Мичуринская. Пространство между домом 17 и домом 11.

– А что там? – спросила Наташа.

– Ничего, – ответил Кастор. – Детская площадка какая-то скучная. Двор как двор. Но после визита третьей ступени это место волшебным образом преобразится. А если вы не справитесь с задачей – всё равно преобразится. Но не волшебным образом, а самым что ни на есть ужасным. Кто-то уже вспоминал пикник на обочине. Будет вам пикничок, мало не покажется!

– Так надо же скорее бежать, искать эмоции... – вскочил Виталик. – В смысле, людей. Люди любые подойдут? У нас, знаете, вот соседи наверху – такие эмоциональные! Кричат, как будто за крики им приплачивают! Вот я бы этих соседей, например...

Кастор беззвучно щёлкнул пальцами, и Виталик на время утратил голос.

– Так будет лучше, – пояснил он. Затем запустил руку за шиворот обомлевшему безмолвному Технику и вытащил небольшой приборчик из тёмного матового материала, по форме похожий на сканер, какими в супермаркетах считают штрих-код.

– Во какая прогрессивная штукавина, – с гордостью сказал он, взвесив «сканер» в руках. Потом поманил пальцем Лёву, который сидел к нему ближе всех, вручил ему неизвестный предмет, указал на Шурика и скомандовал:

– Направляй на него и жми на кнопку! По моей команде – пли!

Лёва опустил оружие.

– Ну жми, жми! – нетерпеливо повторил Кастор. – Это безопасно. Если бы я хотел устранить кого-то из ваших, выбрал бы более простой способ. Ну? Огонь!

Как под гипнозом, словно против собственной воли, Лёва навёл «сканер» на Шурика. Нажал на кнопку ватным негнущимся пальцем. Никакого выстрела не последовало. Шурик даже не вздрогнул, словно ничего не почувствовал.

Кастор забрал сканер у Лёвы и продемонстрировал его всем и каждому. На небольшом, пять на пять сантиметров, матовом экране проступал жемчужно-белый квадрат.

– Белый – абсолютная душевная гармония, все эмоции на своих местах. Для коктейля – не подходит. Но жить будет, – расшифровал Кастор. – Вы только что просмотрели наглядный агитационный ролик о пользе летнего отдыха. Теперь вернёмся к нашему делу. Для удобства каждая нужная нам эмоция имеет свой цвет. Смотрите и запоминайте. Вопросы задавать можно.

Он вернул Виталику дар речи, достал из кармана кусок картона размером с книжную закладку, расчерченный на семь равных квадратов, выкрашенных в разные цвета, и продолжал:

– У нашего коктейля – семь нот. Семь нот – легко запомнить. Радуга – легко представить. Не перепутайте. Не повторяйтесь. Не пытайтесь подогнать результат. Ищите только чистые эмоции. Красный – страсть. Оранжевый – ра-

дость. Желтый – ярость. Зеленый – тоска. Голубой – тяжелая грусть, безысходность. Синий – страх. Фиолетовый – тщеславие.

– Разве тщеславие – это эмоция? – переспросил Даниил Юрьевич, пока остальные с благоговением ждали продолжения лекции.

– Вообще-то не совсем, – ответил Кастор, – это смесь страсти и страха, в абсолютно равных пропорциях. Но без него никак не обойтись.

– А второго такого приборчика у вас нет? – с надеждой спросил Виталик. – А то вдруг наткнёшься случайно на нужную эмоцию – а проверить её нечем. У нас, например, соседи...

– Одного – достаточно, – отрезал Кастор. – Мы не множим сущности без нужды. Уверяю вас, найти то, что требуется, гораздо проще, чем вам сейчас кажется. Достаточно встать в солнечный день на людном перекрёстке, и к вечеру у вас будет полный улов. Ну, может быть, без одной эмоции.

– Я слышу эмоции, – решительно сказал Денис. – Вернее, нет, я слышу желания. Но эмоции – от них невозможно укрыться. Они всегда там, где много людей. Быть может, я смог бы поучаствовать в поисках наравне с ... с вашим прибором?

– Достойные слова. Благородный порыв. Но нам нужны не просто эмоции, – покачал головой Кастор, – нам нужны чистые эмоции. А отличить одно от другого сможет только

это устройство.

– А зачем третьей ступени весь этот ёрш из страстей и страхов? – вдруг спросила Галина Гусева.

– Они работают с живыми людьми, – напомнил Трофим Парфёнович, – но сами уже давно... как бы сказать... забыли свои ощущения.

– При таком раскладе, – пояснил Кастор, – очень легко превратиться из бесстрастного золотого будды в железобетонного бюрократа. И организовать и вам, и нам, и носителям такие именины сердца, что мало не покажется.

– И что будет, когда они... ну, это... попьют свои коктейли? – осторожно поинтересовалась Марина.

– Они соприкоснутся с тем, что давно забыли. С эмоциями. Настоящими, концентрированными, людскими эмоциями. И снова начнут понимать нюансы, очень важные для живых, но совершенно бессмысленные для мёртвых.

– А вы там тоже будете, на этом фуршете? – брякнул Виталик.

– А нам хватает наших верных мунгов! – глаза Кастора метнули маленькие шаровые молнии, а сам он плотоядно облизнулся длинным раздвоенным языком. – Думаете, почему я так часто к вам захоживаю? Чтобы откусывать от каждого по кусочку!

– А как же Трофим Парфёнович? Вы же у нас редкий гость, – храбро спросила Галина.

– За него не беспокойтесь, он обычно питается мунгами

из других городов, – ухмыльнулся Кастор.

– Трофим Парфёнович, а в чём ваша вина? – осторожно спросила Наташа. – В самом начале вы сказали, что это ваша вина... А я так и не поняла – в чём?

Все прижали уши. Кто бы мог подумать, что самый бестактный вопрос задаст не Виталик или Лёва, существа без царя в голове, а умненькая и сдержанная Наташа!

– Я слишком хвалил вас, – немного помолчав, сказал «верховный экзекутор», – за дело. Но необдуманно и опрометчиво. Мои похвалы сыграли решающую роль в этом вопросе. Третья ступень выбирала между Барселоной, Санкт-Петербургом, Акапулько и Дели. Я поспешил отозваться о вас в превосходной степени. И выбор пал на вашу команду.

– А теперь я попросил бы всех, незаслуженно расхваленных, покинуть этот кабинет и занялся делом! – объявил Кастор. Взмахнул руками, как дирижер. И первым исчез – просто перестал быть видимым.

Мунги вскочили с мест и поспешили к выходу, как стадо антилоп, опаздывающих на водопой. Впереди мчался Лёва, держа перед собой сканер эмоций на вытянутых руках, как кубок.

Трофим Парфёнович перевёл взгляд на Даниила Юрьевича, и тот удалился вслед за остальными.

– А ты – останься, – услышал Виталик. И, как в страшном сне, медленно повернулся спиной к спасительному выходу. Прошмыгнули мимо сёстры Гусевы с остатками пирога. И

дверь захлопнулась с тяжелым стуком, как крышка гроба.

* * *

С первого дня работы в Тринадцатой редакции Виталик боялся Трофима Парфёновича. Даже не его самого – его пронизательности. От этого существа ничего нельзя было скрыть. В том числе и полную никчёмность маленького глупого Техника, вообразившего, что из него когда-нибудь выйдет толк. Хорошо было успокаивать себя тем, что Трофим Парфёнович – ну, он же большой начальник, ему некогда заниматься разными скучными мелочами, вроде разоблачения самозванцев. Но, как видно, время пришло.

Приказ остаться пригвоздил Виталика к земле. Эх, надо было оттолкнуть Дениса с Шуриком и выскочить из кабинета, притворившись, что ничего не слышал. Но разве от Трофима Парфёновича убежишь?

В ожидании разоблачения самозванец покорно сел на «скамейку практикантов», превратившуюся в «скамью подсудимых».

«Верховный экзекутор» постоял немного возле стола переговоров, без всякого выражения взглянул на брошенные как попало стулья – те тут же выстроились в ряд вдоль стенки, затем одним неуловимым движением преодолел расстояние до «скамейки практикантов». Уселся на пол, сложил ноги в совершенно противоестественный лотос, руки скрестил

на груди не менее причудливым образом и снизу вверх, не мигая, уставился на Виталика.

Эта игра в гляделки могла затянуться надолго: мунги второй ступени не чувствуют течения времени, потому что течёт оно не сквозь них, а где-то рядом, а Виталик, хоть и ощущал кожей каждую секунду, боялся пошевелиться и тем привлечь к себе внимание: ведь покуда они так сидят, сохраняется хрупкое равновесие. Например, Техник до сих пор жив.

«Думаете, почему я так часто к вам захоживаю? Чтобы откусывать от каждого по кусочку!» – прозвучал в голове голос Кастора.

Виталик немного расслабился: «Фиг его знает, когда он шутит, а когда нет. Может, они и в самом деле нами потихоньку питаются? Сейчас этот удав заглочит кусок моей жизненной энергии, или что они там жрут из нас, и отчалит. Да, наверное, так и есть. То есть, не такой уж я и бесполезный, да? Меня можно есть и не отравиться».

Когда Техник окончательно расслабился и даже ухмыльнулся своей чуть нагловатой ассиметричной улыбкой, Трофим Парфёнович, видимо, решил, что можно приступать к допросу и, не разжимая губ, спросил:

– Ну и кто же ты?

– Я – ваш верный мунг! – брякнул в ответ «подсудимый».

– Кем ты был до этого?

– Да никем я не был. Учеником маляра, вот кем.

– Кем ты был на самом деле?

– Просто чуваком... Сам не знаю, за что меня взяли.

– Откуда ты знаешь, что тебя взяли?

– Ну, я же здесь. Пока ещё.

– Что ты знаешь о своих целях? Для чего тебя взяли?

– А что, мы разве не желания исполняем? Это тоже прикрытие такое?

Трофим Парфёнович замолчал. Лицо его не выражало ничего, и понять, чем вызвано это молчание, было совершенно невозможно. Но Виталику показалось, что разговор зашел в тупик.

– Когда ты в первый раз увидел такой сон? – помолчав немного, «верховный исполнитель» решил подойти с другой стороны.

– Какой сон? – растерялся Виталик. – Мы, что ли, спим все? А настоящая жизнь где-то не здесь? А как проснуться, я проснуться в настоящее хочу!

Трофим Парфёнович расплёл руки и достал из воздуха, словно бы сняв с невидимой полки, пачку листков, исписанных неразборчивым Виталикиным почерком.

– Вот твои отчёты по «соннику». Как часто ты видишь такие сны?

Техник дрожащей рукой принял бумажки и уставился на них, как Гамлет на череп бедного Йорика.

Иногда старшие товарищи ставят на мунгах первой ступени опыты. На обычных простых людях тестировать некоторые препараты негуманно, а мунги – они как будто нароч-

но для этого созданы. Благородные, ответственные, да к тому же знают достаточно для того, чтобы видеть мир немного не так, как остальные. Отчего бы им не принести себя иной раз в жертву во имя счастья грядущих поколений? Первая ступень, несмотря на всю свою сознательность, может быть, и отказалась бы от роли жертвы, только её мнением никто не интересуется. Когда надо что-то испытать, скажем, на сотрудниках Тринадцатой редакции, Кастор без предупреждения появляется на летучке, ставит перед общественностью задачу, и удаляется.

Разумеется, опыты, которым подвергаются безответные мунги первой ступени – как правило, безобидны, полезны, а порой и приятны. Но опытами они от этого быть не перестают.

Так, например, два месяца назад на десятке мунговских ячеек, расположенных в разных часовых поясах, начали испытывать новое средство под кодовым названием «сонник».

«Сонник» – это такой ответ мунгов второй ступени на пока ещё невыполнимое, но страстное желание огромной части жителей Земли. Если эксперименты на живых мунгах однажды закончатся без потерь, «сонник» подкинут какой-нибудь корпорации, и он будет пущен в массовое производство.

«Сонник» по виду похож на маленький – размером с ноготь большого пальца – клочок влажной салфетки. Этот клочок следует проглотить – и поскорее ложиться спать. Действует «сонник» просто: через пять минут подопытный уже

спит крепким сном, даже если спать он совсем не хотел, а через час, два или три (по собственному выбору) он легко просыпается по звонку будильника и чувствует себя так, будто проспал восемь часов в хорошо проветренном помещении. Вот только использовать это средство чаще, чем раз в неделю, не рекомендуется. Иначе с каждым преждевременным приёмом оно будет терять силу, пока не превратится в простое снотворное.

Подопытным мунгам выдали по три листочка «сонника» на месяц, объяснили, как он действует, и велели подробно описывать всё: свои сны, ощущения, самочувствие. Шурик больше всех обрадовался такому подарку: это означало, что хотя бы три раза в месяц он сможет и выспаться, и прийти на работу вовремя. Отказался от участия в эксперименте только Денис: соблюдение режима было важнее, чем даже самый безопасный опыт со временем.

– А это... повторите вопрос ещё раз? – рассмотрев листочки со своими отчётами, робко сказал Виталик. – Что я не так сделал?

– Как часто ты видишь такие сны?

Подсудимый попытался тянуть время и сделал вид, что внимательно вчитывается в свои каракули, чтобы лучше понять, о чём идёт речь. Трофим Парфёнович молчал и ждал. И вдруг время потекло сквозь Виталика с невероятной и даже неестественной скоростью. Хлынуло сплошным потоком. Оно ввинчивалось в макушку, стремительно проносилось по

всему телу, вытекало из пяток и пропадало навсегда, навсегда. Минуты, секунды захлебнулись в этом водовороте, часы исчезали бесследно, а поток всё ширился, ещё немного, и вся жизнь утечёт в песок...

– Не убивайте меня, пожалуйста! – не выдержал Виталик, и попытался сунуть в руку Трофиму Парфёновичу измятые листки с отчетом, словно это была взятка. – Я это всё придумал из головы, этого не было, и никому это не снилось!!! Честное слово, ничего этого не было ни на самом деле, ни во сне. Просто я отдал свои «сонники» Циа... Константину Петровичу, а он за это меня премии не лишил.

– Подойди к телефону и позови его сюда, – приказал Трофим Парфёнович.

Виталик, пошатываясь, поднялся с места и почувствовал, что время снова течет сквозь него привычной тоненькой струйкой.

Он подошел к телефону. Набрал внутренний номер коммерческого директора, мысленно заклиная его оказаться не на месте и избежать страшной пытки утекающим временем, но тот, к сожалению, ответил сразу.

– Трофим Парфёнович просит зайти в кабинет шефа. На счёт сонника. Ну, того, который мы... – Виталик хотел сказать что-то ещё, но трубка выскользнула из его руки и аккуратно упала на рычаг. А сам Виталик рухнул в кресло Даниила Юрьевича и постарался слиться с обивкой.

Константин Петрович с папкой под мышкой вошел в ка-

бинет шефа, остановился возле двери и с интересом оглядел живописную композицию: Трофим Парфёнович в позе продвинутого йога сидит перед пустой скамейкой, а Виталик забрался в кресло Даниила Юрьевича, подобрал ноги, обхватил руками колени, вжал голову в плечи и при этом очень выразительно молчит.

– Я уже здесь, – оценив обстановку, сообщил коммерческий директор.

Трофим Парфёнович вышел из астрала, поднялся на ноги и приблизился к новому фигуранту дела. опережая его вопрос, Цианид достал из папки несколько листов, отпечатанных на принтере.

– Это мои отчёты по «соннику». Нелегальному. Вероятно, вам стало известно о нашем... небольшом соглашении?

– Почему вы сразу не сдали эти отчёты? К чему обман? – Трофим Парфёнович потряс исписанными виталиковыми листочками. – Судя по этим описаниям, по ночам в мозг нашего сотрудника проникает какая-то неизвестная сила. Мне велели выяснить: является ли это следствием использования «сонника», или же на вашего Техника была совершена психическая атака извне? Или, быть может, он давно уже не человек, а что-то среднее между компьютерным вирусом и вирусом гриппа?

– Хм, – задумался Константин Петрович, – а это многое объясняет в его поведении.

– Никто мой мозг не хакал! – обрёл дар речи Виталик. –

Я просто там, где надо писать про свои сны, тупо описывал фильмы про «Чужого». А что, это важно тоже? То, что мне снится? Я думал, это никто не читает. А что делать, если кому-то и вправду «Чужой» снится?

– Для чего тебе понадобился дополнительный «сонник»? – не слушая оправданий Техника, «верховный исполнитель» переключился на Константина Петровича.

– Ну... понимаете... Ко мне в гости... на три дня... приехала из Парижа Маша... Я не мог тратить время на работу и на сон, когда она рядом. Работой пожертвовать было невозможно. Тогда я отменил сон.

– В следующий раз я лично разрешаю тебе отменить работу. Кажется, я зря хвалил вашу команду. Срывать эксперимент по такому незначительному поводу – недопустимо. Если каждый получил три листка «сонника» – это означает то, что каждый должен отчитаться за три своих «сонника» сам. Или вернуть излишки. Но не передавать препарат другому. И – тем более – не выдумывать отчёт.

– Я думаю, он по привычке, а не по злему умыслу, – попытался вступить за Виталика Константин Петрович. – Он отчёты за месяц тоже наполовину выдумывает, потому что моментально забывает о том, что сделано.

– Выдумка – это просто выдумка, – припечатал Трофим Парфёнович. – Теперь, когда она раскрыта, её легко удалить из дальнейших расчетов. А вот твой поступок...

Верховный мунг наконец-то соизволил взять бумаги из

рук благородного рыцаря, пожертвовавшего сном ради свидания с прекрасной дамой.

– Вы отстраняете нас от эксперимента? – ровным голосом спросил рыцарь. – Я сорвал его?

– Нет. Эксперимент признан успешным. «Сонник» отправляется на доработку. Если даже мунги, рискуя своим здоровьем, нарушают правила и принимают опасный малоизученный препарат два дня подряд – чего ожидать от остальных людей? А без нормального сна нельзя никак. И по вашему отчету это видно.

– Я готов понести наказание за то, что нарушил правила.

– Тогда наказывать придётся слишком многих. Не нашлось ни одной команды, в которой не было бы таких нарушителей. Один Разведчик выкупил у своих все «сонники». Между прочим, за деньги. И только для того, чтобы не спать целую неделю и принять участие в чемпионате по игре... Какой-то массовой игре с компьютером.

– И что теперь с этим лихим геймером? – не удержался Виталик.

– Остановили. Отстранили от эксперимента. Спасли. Третий день отдыхает в барокамере. Однако он честно сдал отчёт о своём состоянии. Нигде больше не нашлось такого человека, который передал бы свою порцию «сонника» другому, а потом выдумал отчет от первого слова до последнего!

Виталик самодовольно улыбнулся.

– Сейчас наступили очень гуманные времена. Очень. Лет

сто назад тебя, не разбираясь, просто отправили бы на переплавку.

Техник тут же перестал улыбаться и прикрыл лицо руками, демонстрируя крайнюю степень раскаяния.

Трофим Парфёнович сложил отчеты нерадивых мунгов пополам, ещё раз пополам, потом ещё раз. Коммерческий директор с интересом наблюдал за его манипуляциями: с каждым разом объём отчета уменьшался, уменьшался, уменьшался, и вот уже бумажный прямоугольник исчез совсем. Через мгновение исчез и сам Трофим Парфёнович.

Виталик тут же спрыгнул с кресла, натянул кеды, подбежал к Константину Петровичу и пожал ему обе руки.

– Я теперь всегда буду писать в отчётах только правду! – воскликнул он. – Прости, что сдал тебя этому дракону. Ну, ты же знаешь их...

– Ты меня тоже прости, – пожал ему руки в ответ Константин Петрович. – Это я тебя подвёл. Ты только не рассказывай Веронике, ладно? А то она будет надо мной смеяться.

– Ты тоже ей не рассказывай. А то она будет за меня переживать...

– Переживать? – Константин Петрович перестал пожимать руки сообщника и присел за стол. Виталик плюхнулся рядом и быстро заговорил:

– Понимаешь, с нею я чувствую себя как на экзамене у Снежной королевы – как будто меня вызвали к доске, а я забыл, как пишется слово «вечность» – причём забыл сразу

все буквы.

– А она, небось, чувствует себя как Снегурочка, которой обязательно нужно перепрыгнуть через костёр. А костёр трещит без умолку, сосредоточиться не даёт.

– Какой там трещит. Молчу без умолку... Вот пошли мы в ресторан... Хороший такой. И всё там было очень круто. Только ей тарелку не подогрели. Или наоборот – перегрели. И она сказала об этом официанту таким тоном, что он чуть на колени не упал! Серьёзно. Я говорю – да ладно, это действительно так важно, что ли? А она посмотрела на меня ещё холоднее, чем на официанта, и говорит: «Важно».

– Ну и что?

– Ну и всё. Молчала весь вечер. И я тоже.

– Подумаешь, помолчали. Зато хорошо провели вечер. А официанта следовало наказать.

– Как?

– Я бы чаевых просто не оставил, и всё!

– Тогда бы она сказала: «Милый, тебе не хватает денег? Рублёв опять самоутверждается за твой счет и лишил тебя без премии? Давай, сегодня заплачу я».

– Это ж надо, какое тебе счастье досталось. Совершенно незаслуженное.

– Заслуженное. Просто не по возрасту. Я должен был долгие годы искать, ошибаться, влипать, обламываться и потом найти. Его. Счастье, то есть. Вероника вот искала... Кого-то... И нашелся я. А мне так повезло, что я нашел её сра-

зу. Сразу, в тот же день, когда понял, что ищу. И вот теперь я должен взростеть быстрее, чем расту. Ну, ты понимаешь.

– Нет, не понимаю. Зачем опережать события?

– Не опережать. Просто не отставать. За ней надо бежать быстро-быстро.

– Да ничего не надо. Надо просто поверить в своё счастье. Ты его уже получил. Волей слепого случая.

– Я верю. Но если я расслаблюсь, то моё счастье превратится в привычку. Уж лучше я буду бежать.

* * *

Минувшей зимой Денис заманил своих коллег в спортзал, на показательные бесплатные занятия для корпоративных клиентов. Показательными в итоге оказались выступления сотрудников Тринадцатой редакции, прочие посетители даже решили, что приехал цирк или съёмочная киногруппа из Америки. Первым делом Лёва сорвал резьбу с двух силовых тренажеров. Потом сёстры Гусевы вломились на тренировку по вольной борьбе и скрутили тренера двойным узлом. Тем временем Шурик с Виталиком весело бегали наперегонки по одной на двоих беговой дорожке, после чего им пришлось наперегонки ползти в медпункт. Константин Петрович отказался переодеваться при подчинённых и проник в тренажерный зал в рабочем костюме, где зацепился галстуком за какую-то деталь штанги и чудом избежал удушения. А

Наташа просто пришла на занятия по танцевальной аэробике в бальном платье. Денис смотрел на коллег одновременно и с ужасом, и с восхищением. Только Даниил Юрьевич оказался на высоте: он открыл для себя бассейн.

Его тело, конечно, было всего лишь иллюзией, пусть и хорошо наведённой (на взгляд некоторых посетительниц бассейна – даже слишком хорошо), но удовольствие от плавания он получил неподдельное. Когда-то в детстве он, вместе с другими детьми, купался в лесном озере на даче, но вода была холодная, вдобавок его почему-то стали топить, и он ушел домой одинокий, никем не понятый, всеми обиженный, и с тех пор слышать ничего не желал о купании. И вот – благодаря Денису и его настойчивости, у шефа Тринадцатой редакции появилось хобби.

Но вчера вечером какие-то роковые стрелочники изменили расписание и назначили в бассейне внеплановые занятия по аквааэробике. И тогда Даниил Юрьевич решил ознакомиться с другими залами.

Он нафантазировал себе элегантный спортивный костюм, вышел из раздевалки в зал кардиотренировок, сел на свободный велотренажер – в детстве у него был велосипед, и на нём было так здорово ехать через лес совсем одному! Даниил Юрьевич крутил педали всё быстрее и быстрее, не обращая внимания на тревожный писк аппарата.

Подбежал тренер. Объявил, что тренажер неисправен и попросил пересесть на другой.

Даниил Юрьевич сел на соседний тренажер и вновь погрузился в воспоминания детства. Итак, узкая тропинка в лесу, которая вьётся, вьётся, пока, наконец, не приводит...

Снова писк. Снова тренер.

– Бред какой-то, – пробормотал он себе под нос, – вроде всё работает... У вас же не может совсем не быть пульса?

Даниил Юрьевич затерялся в толпе и покинул зал. У него был ультрамодный спортивный костюм – вернее, иллюзия костюма. У него была спортивная фигура – иллюзия такой фигуры. Но иллюзию сердцебиения он создать не мог.

Казалось бы – досадный, но мелкий недочёт. Но Кастор как-то прознал об этом, и сразу после летучки вытащил своего старинного приятеля на серьёзный разговор за пределами обитаемого мира. Приводим его тут с незначительными сокращениями, в понятном живым людям формате.

– Земля полнится удивительными слухами! – объявил Кастор. – Угадай, какими? Ладно, сам скажу. Итак, вообрази себе. Спортивный зал, полный тренажеров. Бесполезные велосипеды, на которых никуда не уедешь, напичканные электроникой, проверяющей пульс, количество километров, которые мог бы проехать спортсмен, выбери он колымагу с колёсами, и так далее. На один такой велосипед садится один такой некто. Некто садится, и пульса у него нет. Казалось бы – это проблема велосипеда: тонкая и бесполезная техника так часто ломается! А вот как бы ни так! Некто садится на второй велосипед – и повторяется та же самая история.

Пульса-то у него нет, отсутствует, не нужен ему этот пульс! Внимательный наблюдатель, юноша проворный и любопытный, садится по очереди на оба этих бесполезных велосипеда, и что видит он? Пульс определяется. Всё работает. А человек без пульса – просто исчез. Испарился.

Наш юноша пылок и наделён богатым воображением. Он приходит домой и пишет в своём блоге: «Камрады, я сегодня в спортзале зомбака видел. Пульса у него не было, но он ходил, и говорил, и крутил педали. Они уже среди нас. Крепите оборону!»

– Где он это пишет? – переспросил Даниил Юрьевич.

– В таком месте, где все желающие могут прочесть.

– На стене спортзала?

– В Интернете!

Даниил Юрьевич затосковал: он уже научился создавать в компьютере папки, проверять электронную почту и отвечать на письма. Но бескрайние поля вольного Интернета были для него землями тёмными, неизведанными. Зачем Интернет, когда есть настоящая жизнь, ещё одна, дополнительная, подаренная ему непонятно за какие заслуги!

– На наше счастье, камрады отписали пытливому отроку много банальностей: «Не читай перед обедом это, не смотри перед сном то, не играй в такие-то игры, не пей такое, не кури сякое». Так, что он уже сам начал сомневаться. А мог бы попасться более въедливый тип. И что тогда? Провал гарантирован. Роспуск команды почти неизбежен. Ради чего?

Ради пустого каприза, воспоминания из жизни, которой уже нет? Я ли не твердил тебе, я ли не втолковывал: внедрённый наблюдатель не имеет права на ошибку! Он должен быть достаточно живым для того, чтобы ни у кого не возникло ни малейших подозрений. Ведь не ходишь же ты в сауну при этом вашем бассейне – потому что всем известно, что мёртвые не потеют!

– Я просто не люблю сауну. Но мне кажется, ты преувеличиваешь масштабы трагедии. Даже если бы пытливый отрок оказался занудой, мои ребята смогли бы решить эту проблему. Распустили бы контрсплетни.

– Смогли бы, не спорю. Только давай не будем создавать им дополнительные трудности. У них сейчас по плану – коктейли в день летнего солнцестояния. По счастью, хотя бы проблема с «сонником» решена. И слушай – не позорь мои воображаемые седины. Разберись уже в Интернете. Блог заведи для начала, живой журнал какой-нибудь. И будешь совсем как настоящий. Неужели не знаешь – «Если тебя нет в Интернете – значит, тебя нет!»

– Чепуха какая-то. Тем более что нас – по людским меркам – действительно нет. Это ты сам сейчас придумал – про Интернет?

– Нет, придумал не я. Это Стив Джобс сказал. Может и чепуха, – легко согласился Кастор, – Ведь говорил я ему тогда за завтраком: «Вы, профессор, воля ваша...» Или это не я говорил? И не ему? Но блог всё равно заведи. Проверю

недели через две. При отсутствии результата буду страшен во гневе. Всё, ты свободен, возвращайся на грешную Землю.

Даниил Юрьевич послушно материализовался на своём рабочем месте. Виталика в кабинете уже не было. Возле стола сидел только Константин Петрович и перепроверял принесённые на подпись документы.

– А, вы уже вернулись, – сказал он спокойным тоном, – вот, подпишите, пожалуйста, счета.

И шеф, не глядя, подмахнул нужные бумаги. Потом, прищурившись, спросил:

– Любезный зам, есть ли у тебя блог?

«Любезный зам» – это что-то новенькое.

– Ну... вообще есть. Но я на работе ни-ни!

– Сможешь объяснить мне, как это работает?

– Мне Маша вообще-то объяснила...

– Понятно. Найди мне такую Машу. Чем скорее, тем лучше. Ещё есть вопросы? Ну? По глазам вижу, что есть.

– По делу – нет никаких.

– Когда бы знать, что есть «по делу», а что – нет. Кто бы мог подумать, что Интернет...

Последнюю фразу шеф сказал куда-то в сторону, так, что заместитель её и не расслышал даже.

– Хотелось бы мне знать, – чуть помедлив, признался Константин Петрович, – как вы там... – взгляд, обращенный в небеса, вернее, к потолку, – общаетесь с Кастором? Как это происходит?

Сам он представлял, что шеф, удалившись для разговора с неосязаемым начальством, попадает в белый-белый, бело-снежный зал для переговоров. Дневной свет заполняет этот зал. Длинные столы из прозрачного пластика тянутся, сколько хватает глаз. Вместо стен пульсируют плазменные панели, на которых можно видеть всю жизнь земную, а также подземную и подводную.

– Действительно хочешь узнать? – почти шепотом спросил Даниил Юрьевич.

Константин Петрович кивнул. И понял – нет никаких залов, столов и плазменных панелей. Нет вообще ничего такого, что можно увидеть и потрогать. За что можно зацепиться – взглядом ли, рукой ли, сознанием ли. Но в этом неосязаемом пространстве каждый подключен к каждому. Для того чтобы выйти на переговоры с Кастором, Даниилу Юрьевичу достаточно просто перестать наделять себя воображаемой телесностью – и он уже вместе со всеми, в общем информационном поле. Он чувствует и думает синхронно с теми, кто готов думать и чувствовать синхронно с ним.

Коммерческий директор посмотрел на шефа – тот не проронил ни слова. Просто передал ему – не то мысли, не то образы, не то просто знание.

– Вот так примерно это и происходит, – пояснил Даниил Юрьевич.

– И я так могу?

– Можешь. Но пока что тебе мешает тело. Тело – самая

высококачественная защита в мире. Оно не позволяет ощущать мысли других. Но стоит только отпустить эту защиту... Представь, как удобно. Ты просыпаешься утром и сразу соединяешься со всеми людьми. Слышишь их мысли, понимаешь их желания.

Константин Петрович представил себе такое дивное утро. Он просыпается. Где-то в Париже скучает Маша (а обещала, между прочим, не скучать!) Шурик ещё не ложился (зачитался очередной рукописью или только что со свидания вернулся, придумывает отговорку). Виталик проснулся – но только для того, чтобы перевести будильник на два часа вперёд. Вероника укоризненно глядит на него. Она-то не только проснулась, но уже приняла душ и приготовила завтрак. Но главное: теперь, когда все подключены ко всем, она точно знает, сколько человек на самом деле в подчинении у этого неудачника Рублёва, какова его зарплата и функции в компании! И не только она – все бывшие однокурсники об этом знают! И дрожит информационное пространство от их дружного хохота.

– Зачем вы всё это мне рассказали? – «неудачник Рублёв» помотал головой, чтобы отогнать неприятное видение.

– Ты единственный из нашей банды не попытаешься отпустить своё тело и хотя бы одним глазком взглянуть на мир второй ступени. Ты держишь свою личную защиту так же крепко, как нашу общую. И даже чуть крепче.

– Но как же вы смогли передать мне мысли? Если я так

крепко держу личную защиту?

– Ты бесконечно доверяешь мне.

Константин Петрович собрал документы и аккуратно сложил их в папку. Потом произнёс:

– Как просто было бы жить, если бы не эта иерархия. Первая ступень, вторая, третья. Почему сразу нельзя родиться всезнающим, всеумеющим, вместо того, чтобы топтать куда-то вверх, да ещё и неизвестно куда и неизвестно сколько?

– Рождённый всемогущим ничего не станет делать. Ограничится самой малостью. Он же всемогущий. Он же может абсолютно всё. Тогда зачем проверять границы своих возможностей или кому-то что-то доказывать?

– Ну как же? Если они у тебя есть – опробуй их!

– Так они есть с этого момента и теперь уже навсегда. Зачем спешить? Можно опробовать их завтра, или лет через пятьсот.

– А... э... то есть, он у нас не только всемогущий, но ещё и бессмертный?

– Все мы бессмертные, сейчас не об этом речь. Для того чтобы человек зашевелился и начал что-то делать, его надо ограничить. Причём хорошенько так, оставив мало-мало лазеек для проявления себя.

– Антиутопией пахнет.

– Очень пахнет. Ну, а как ещё заставить человека развиваться? Попробуй поманипулировать всемогущим – да он рассмеётся тебе в лицо, усядется в позу лотоса и отчалит в

нирвану. А если ты знаешь свой потолок – то ты будешь стараться пробить его головой.

– Значит, нас держат на коротком поводке для нашего же блага... Ну-ну, – покачал головой Константин Петрович. – Может быть, кого-то по-другому не мотивируешь на дальнейшие достижения. Но я – не такой.

– Такой, такой. Нужно целую жизнь прожить на коротком поводке, чтобы понять – ты точно такой же. Мир исследуют постепенно. Сначала – манежик, потом – комната, потом – квартира. Потом ты выходишь во двор, затем – узнаёшь район, город, страну, материк. И вот уже тебе открыт целый мир. Но если ты шагнёшь в этот мир прямо из манежика – то не уйдёшь дальше собственного двора. И при этом – вот что паразитально – будешь считать себя великим путешественником.

* * *

– Ну чо, клюшенция, нарушим трудовую дисциплинку? На разведку прошвырнёмся? – подначивала Марину Гусеву старшая сестра.

– Можно вечером, да.

– Вечерком не можно. Вечерком я футбол смотреть буду. Сейчас пошли. Что, трусишь? Дрейфишь, да? Боишься, что Костя отработками загоняет?

– Кого я боюсь? Я – боюсь? Никого я не боюсь.

– Ну и чего тогда сидишь, пошли на эту Мичуринскую. Посмотрим, какие яблочки там созрели.

Галина Гусева рассуждала так: мунги второй ступени, конечно, ребята очень продвинутые. Во всяких там нематериальных знаниях и потусторонних умениях. Только вот в человеческой сути они уже разбираются слабо. Назначили, например, место для коктейлей – а хорошо ли это место для живых? Не тесно ли там, не грязно ли, не огорожено ли оно, наконец, забором с колючей проволокой, по которой пущен ток? А даже если забора нет – вдруг двор слишком оживлённый, или старушки на лавочках чересчур бдительные? Не так-то легко семерых посторонних людей притащить туда, не знаю куда. Да не просто так – людей, а людей, обуреваемых самыми разными эмоциями. Ну, страсть и радость, положим, сами прибегут, стоит их только поманить нужным калачом. А ну как страх – испугается? Ярость – взъерится? Тоска – затоскует, печаль – опечалится, а тщеславие фыркнет и скажет – не пойду на детскую площадку! Я уже взрослое, большое тщеславие!

Несмотря на то, что уже не первую неделю в городе стояла жара, упрямые Бойцы продолжали ходить по улицам в пальто. А что делать, если к его подкладке так удобно крепить всевозможные смертоносные орудия! А попробуй, заткни топор, или даже просто мясницкий нож за пояс шелкового платья в крупный цветок. Не поймут. Люди стали такими непонятливыми.

Улица Мичуринская, а в особенности – место встречи, не произвели на сестёр Гусевых никакого впечатления: ни хорошего, ни плохого. Скамейки, качели, песочница. Возле песочницы стоит усталая мамаша и уговаривает младенца проявить сознательность и пойти домой обедать. Младенец увлечённо хоронит пластмассовую лягушку, прочее его не интересует. Остальные дети и их бабушки-мамушки-нянюшки, должно быть, спеклись под летним солнцем и уже сидят дома, хлебают холодный суп или жуют салат из свежих овощей.

Не обнаружив ничего подозрительного или хотя бы интересного, Бойцы для порядка решили обойти окрестные дворы, и даже заглянули на соседние улицы: Малую Посадскую, Куйбышева и Конный переулок. Везде было одинаково жарко и дремотно. Из открытых окон доносился звон посуды, струился джаз, детский голос с упоением пересказывал своими словами страшилку про Чёрную простыню.

– Вот скажи, зачем мы сюда в такую жару попёрлись? – спросила у сестры Галина.

– Так кому-то дисциплинку очень нарушить хотелось. А вечером – футбол.

– А правда, футбол-то ведь – только вечером! Так почему бы благородным доннам прямо сейчас не забухать во-он на той скамеечке?

Инспектируя соседние улицы, старушки сразу заметили нужный магазин и теперь, не теряя времени, поспешили к

нему.

Кто посмеет упрекнуть двух интеллигентных бабулек, попивающих на детской площадке крепкое пиво из горла? А то, что вместо открывашки они используют топор – так мало ли, что на жаре примерещится? Может, и старушек никаких нет. И пива. И площадки детской. А есть пустырь, заросший чертополохом и крапивой, и на пустыре этом ровно в полночь появляется тёмная фигура, которая только и ждёт запоздалого прохожего, чтобы спросить у него: «Слышь, чувак, где тут ближайший мост на ту сторону, и во сколько его разводят?» Но то в полночь.

Может быть, в полночь жизнь в этом районе и вправду кипит, но сейчас решительно некому было упрекать двух интеллигентных бабулек. Упрямый младенец всё-таки похоронил свою игрушку и отправился домой, на радость опаздывающей на любимый сериал маме. Прочие дети пока не заявляли о себе. На дальней скамейке – не той, которую оккупировали сёстры Гусевы, а на низкой и неудобной, с ногами сидел длинноволосый парень неопределённого возраста. Нет, если бы он не уткнулся подбородком в колени, не обхватил эти самые колени руками, не завесил лицо длинной светлой чёлкой, его возраст ещё как-то можно было бы определить.

– Тебе не кажется, что от того клиента тухлятиной разит? – указывая на него горлышком опустевшей бутылки, спросила Марина.

– Не, это кто угодно, только не наш клиент.

Солнце продолжало припекать. Допив пиво, Галина Гусева вытянула из-за пазухи бутылку рябины на коньяке.

– Откуда она там? – удивлённо спросила сестра.

– Завалялась. Случайно. Я тесак-то на прошлой неделе совсем затупила. Точильщику снесла, а петелька от него свободная простаивает. Для бутылочки в самый раз.

Отхлебнув по глотку и из этой бутылочки, Бойцы с тоской поглядели по сторонам, с сомнением – на длинноволосого парня на дальней скамейке, и вдруг обнаружили, что негодник сидит почти что в тени раскидистого клёна, тогда как бабушки вынуждены жариться на солнце.

– А ну-ка, подвинься, милоч, уступи место старшим! – дребезжащим голоском произнесла Галина.

Парень молча сдвинулся на край скамейки.

– Ай-ай-ай, грязными ногами на чистое сидение! Куда только милиция смотрит! – вступила Марина. – Ещё двигайся.

Не дожидаясь реакции, она толкнула беднягу так, что чуть не спихнула его со скамейки.

Парень выставил вперёд одну ногу, чтобы удержать равновесие, потом снова вернулся в прежнее положение.

– Прикурить бы дал старушкам, чем так сидеть, – скомандовала Галина.

Не меняя позы, только высвободив руку, незнакомец пошарил по карманам, вытащил пачку сигарет, зажигалку, и положил рядом с собой. Марина Гусева вцепилась в них, как

порочный третьеклассник, собирающийся показать плохим старшим ребятам свою лихость.

– И за стаканами сбегал бы! – наседала Галина.

Рябина на коньяке уже стояла на скамейке.

Длинноволосый подцепил ногой свой рюкзак, валявшийся на земле, выудил из него упаковку прозрачных пластиковых стаканчиков, поставил рядом с собой и спросил:

– Вам хватит, или ещё принести-сбегать?

– Вот не хамил бы ты бабушке! – беззлобно пнула его в плечо Галина.

На этот раз парень не удержал равновесие и шлёпнулся на землю. Но падение как будто слегка взбодрило его, так, что он встрепенулся, довольно бойко схватил свою зажигалку и поднёс Марине огоньку.

– Гадость же куришь. Лёгкие же посадишь! – закашлялась та после первой же затяжки.

– Ты совсем на старости одурела! Это ж не трава, а табачище! – всплеснула руками Галина. – А ну сплюнь! Дениски на тебя нет!

– Интересные бабки, – поцокал языком длинноволосый. – Ну, наливайте, что ли, и мне. Меня Алексей зовут. Не Лёха, не Лёша. Полным именем.

– А меня Василиса! – для конспирации сказала Галина.

– А меня – Дафна! – вторила Марина.

Тень над скамейкой Алексея сгущалась. А может быть, это собирались на небе облака – во второй половине дня обеща-

ли небольшой дождь.

Через полчаса Марина вспомнила, что и она, в свою очередь, отнесла в починку маленькую ручную дрель на батареечках, а потом решила, что петле пустовать грех, так, что на скамейке появилась вторая бутылка рябиновки, а длинноволосый Алексей размяк и пустился в откровения.

Он хотел снимать кино. Он всегда хотел снимать кино. Он его даже снимал – работал младшим помощником оператора на сериале «Проститутка, жена банкира». Пока окончательно не затошнило.

– А здесь чего делаешь? – спросила его Галина.

– Сижу, не видите? Вот вы пришли – пью с вами.

– Живёшь, что ли, рядом? – уточнила Марина.

– Нет, живу у Финляндского. Просто пришел сюда. А что, нельзя?

– Да можно. А там у вас, у Финляндского, посидеть совсем негде? – с сомнением протянула Галина.

– Там меня знают все с детства. Ну, родился я там. Только выйдешь – начинается: «Лёша, а что это ты не на работе? Неужели уволили?» «Лёха, когда новый сезон «Жены банкира» будет?» «Алексеич, ты теперь крутой киношный перец, старых друзей, конечно, не замечаешь, но одолжи сотку без отдачи». Ну и всё в таком же духе. А я не хочу разговаривать. Я хочу тухнуть.

Бойцы принюхались.

– Ты не тухлый. И даже вполне живой, – сказала Марина.

– Вот тут нюхни, бабуля, – сказал Алексей и постучал себя по макушке согнутым пальцем, – рыба гниёт с головы.

– Какая ж ты рыба? Ты человек, – удивилась Галина.

– Допустим, я по гороскопу рыба. Рыба и ещё крыса. Нормальное сочетание?

– Крыса, говоришь? – хлопнула его по плечу Марина. – А то-то я смотрю, больно ты парень хороший, а чего нюни распустил – непонятно. Да знаешь, сколько ты ещё фильмов снимешь? Все проститутки и банкиры от зависти полопаются.

– Мне не надо, чтоб они лопались. Меня вообще их мнение не волнует. Знаете, чего я сделать мечтаю? Такое документальное кино крупным планом, ручной камерой. Гипер-реализм, короче. Ну, вы понимаете. Собрать человек пять-семь, типичных, людей с улицы таких, и посадить – да хоть вот на эту скамейку. Чтоб они говорили, перебивая друг друга. Знаете, такой срез жизни мгновенный. Не постановочный. Я потом смонтирую. Уже придумал, как это должно быть. Тут самое главное – смонтировать. Чтоб как в жизни и даже отчётливее.

Алексей вскочил с места, залпом допил рябиновку, потом снова опустился на скамейку, обхватил руками колени, завесил глаза чёлкой.

– И чего опять сел? – сварливо спросила Марина. – Чего тут трудного? Вон идёт мужик по улице, вот мы сидим.

– Вы... Вы – да, но вас двое. А к мужику тому я не пойду,

это здешний домоуправ. Он сразу меня за грудки схватит и трясти начнёт: а есть право на съёмку? А удостоверяющий это документ? А почему в нашем дворе?

– А почему, кстати, в нашем дворе? – ввернула Галина.

– Да пофиг, в каком, лишь бы не там, где меня все знают. А тут и скамейка хорошая, нетипичная. Длинная и узкая. Много народу можно посадить, но без особых удобств. Надо, чтоб они не откидывались на спинку, иначе разговора не получится. Пусть испытывают дискомфорт – и по ассоциации вспоминают какие-то события, и говорят, говорят, говорят.

– Ну, и что мешает? – спросила Марина. – Неужели в большом городе так трудно найти подходящих персонажей?

– Трудно. Я полтора с лишком года искал своих героев. Сначала всем нравится идея, а потом вдруг вылезают разные подводные камни. Один просит деньги. Другой хочет, чтоб ему текст заранее написали, а там вся суть в импровизации. Третий боится опозориться. Четвёртый – артист, будет играть роль «я не играю, я так живу», ничего нет хуже. Пятому время не подходит, у десятого свои идеи. А главное – ну, кому оно нужно? Зачем это всё?

– А тебе – зачем? – строго спросила Марина.

– Потому что я хочу. И могу. Только ведь тоска всё и скука смертная. Если я сделаю этот фильм – оно всё равно никому не надо. А если не сделаю – так оно обратно никому не надо. Ничего никому не надо, что бы ты ни делал.

– Так бы и пырнула зануду ножиком! – не выдержала Га-

лина.

– Пырни, попробуй, – был ответ.

Старушка легонечко уколола собеседника чем-то острым. Алексей отскочил в сторону, глядя на неё осоловело. «Со всем спеклась старая!» – читалось в его глазах.

– Ну, я пошел, – подхватывая рюкзак, объявил он, – было приятно, и всё такое.

– Упустили! – махнула рукой Марина. – Эх, не свезло. Как думаешь, есть у него какое-то желание или это пустой трёп? Я в этих делах ничего не смыслю. Лёву бы сюда. Да поздно, вон как сиганул резво.

– Не хнычь, клюшенция. Пока одна рука колола – другая контакт в карман бросала. Придём на базу – разберёмся, что за крыса из семейства рыб нам такая попалась.

* * *

Василий, потомственный ленинградский шофёр, знал город не хуже, чем Алисин дедушка. Но даже он про Мёртвого Хозяина Дом ничего не слышал. «Вы, барышня, путаете с «Записками из Мёртвого дома», – сухо сказал он, – что простительно. При ваших внешних данных. А Мёртвый дом далеко-о отсюда. Ехать, ехать, не доехать. В Тюмени. Это такой город есть в России – слышали?». «Острог был не в Тюмени. В Омске», – поправила Алиса. «Да нет, в Тюмени, точно. Не могу же я ошибаться!»

«И правда, в Омске, – сказал Василий на следующий день, – я проверил».

После этого он согласился считать Алису условно разумной, а Мёртвого Хозяина Дом – условно существующим.

За несколько дней выработался своеобразный порядок действий: Василий показывал на карте место, в котором мог бы располагаться таинственный двор, привозил туда Алису, позволял ей в одиночку углубиться в лабиринты и закоулки, а сам ждал в условленном месте.

Дворы Васильевского острова походили на порталы в иные миры. В них было больше фантастического, чем реального, и казалось, что здесь никто никогда не умирал, а только улетал на другие планеты. Если бы Алисе потребовалось срочно убежать из этого мира в какой-нибудь соседний, лучше лазейки было бы не придумать. Но её вполне устраивал этот. Именно в этом мире, как в стоге сена, затерялась иголка, в которую нужно вдеть путеводную нить, которая, в свою очередь, выведет к Дому Мёртвого Хозяина. Вот только Дом – и есть сама иголка, и чтобы вдеть в неё нить – иголку нужно сначала найти.

Дворы Петроградской стороны напоминали зеркальные коридоры. Шагнув в один, можно было бесконечно прыгать из отражения в отражение, всё уменьшаясь и уменьшаясь, всё дальше уходя в зеленоватую глубину стекла. Здесь не было никаких историй – лишь отражения историй, отблески солнечных лучей в окнах, эхо шагов, то бегущее следом, то

поджидающее где-то впереди, за углом.

Дворы Коломны были высокомерны, как пожилые училки, злоупотребляющие макияжем. Здесь не было места нелепым, противоречивым сказкам, каждый раз начинающимся по-разному. Всё было выверено и выправлено. Даже граффити на стенах.

И всё это было не то.

– Опять мимо? – спрашивал Василий, распахивая перед Алисой дверцу автомобиля.

– Угу.

– Ну, хотя бы вспомните номер трамвая? Возьмём схему тогдашнего маршрута, проверим все остановки, и так найдём нужный двор.

– Не помню я номеров. Мне вообще казалось, что мы садимся на первый попавшийся трамвай, но приезжаем куда надо. А один раз трамваи стояли. Наверное, не было электричества, или случилась авария. Представляете – десятки пустых трамваев, один за одним. Красные и желтые. С дверцей-гармошкой и дверцей-купе. Вы помните такие ребристые, будто пластмассовые трамваи с дверцей-купе?

– И что же вы делали, когда трамваи встали?

– Дедушка сказал: «О, нам повезло. Музей трамваев сам к нам приехал, не надо до него добираться через непроходимые леса и болота». Мы шли, и почему-то шли по проезжей части. У некоторых трамваев были открыты все двери, и мы входили внутрь, проходили вагон насквозь и выходили

на улицу. А потом спустились в метро и всё равно поехали искать Дом Мёртвого Хозяина.

– На метро? И вы приехали туда на метро?

– Да... Вы знаете, я совершенно об этом забыла.

– И что это была за станция? Помните?

– Сейчас, подождите. Когда мы приехали, дедушка сказал, что эту станцию назвали в честь его дочери, то есть, моей мамы. Её девичья фамилия – Владимирская. И я тоже взяла эту фамилию. В честь дедушки. Ну, и в честь мамы. Теперь скажите, есть такое метро – «Владимирская»? Мне кажется, это шутка. Так не может называться метро.

– Может, – с облегчением выдохнул Василий. – Вы не представляете, как вы сейчас упростили нашу задачу.

Было решено, что Алиса спустится в метро, затем поднимется вверх по эскалатору – и тогда она, может быть, вспомнит дорогу.

Небольшое затруднение вызвала покупка жетонов: Василий очень давно не был в метро, Алиса – тоже. Они стояли перед кассой, пытаясь понять, сколько денег надо заплатить и что при этом сказать кассиру, пока какой-то добрый иностранец не объяснил им, что к чему.

Василий остался ждать на улице, Алиса храбро шагнула на ступеньку эскалатора. Она смотрела под ноги, стараясь не отвлекаться на рекламные щиты и объявления (в её детстве их не было), и пыталась представить, что она – это она и есть, только гораздо младше. И рядом с нею, ступенькой

ниже, стоит дедушка.

Итак, вот они спустились, проехали на поезде до нужной станции (всё это произошло в одно мгновение – Алиса просто перешла на эскалатор, идущий вверх), и теперь уже рукой подать до Мёртвого Хозяина Дома.

Внезапно на соседнем эскалаторе началась какая-то весёлая суета.

– Эй, эй! Смотри, смотри!

Послышались щелчки фотоаппаратов, замелькали вспышки. Алиса вздрогнула, вынырнула из своих воспоминаний, вернулась в настоящее и огляделась по сторонам.

По правую руку висела реклама женского журнала, обложку которого украшала её фотография. Полгода прошло, неужели не могли плакат сменить? Как будто других обложек нет.

Люди, ехавшие вниз, улыбались Алисе, махали руками, фотографировали её на фоне плаката – словно она заняла первое место на какой-нибудь важной олимпиаде и теперь с победой возвращается домой. Алиса улыбалась в ответ – если уж тебя угораздило стать знаменитостью, и тебя фотографируют люди, постарайся выглядеть приветливо.

Выйдя на поверхность, она с огорчением признала, что маленькая девочка, которая вместе с дедушкой шагала навстречу очередному чуду, исчезла, и её место заняла привычная взрослая Алиса.

– Вы вспомнили? – Василий поджидал её у входа.

– Ни черта. Ну, допустим – туда. Хотя мне кажется, что этой улицы тогда вообще не было. Я либо вернусь сюда, либо позвоню оттуда, куда приду, и вы меня подхватите.

Алиса достала из сумочки тёмные очки и запоздало укрылась за ними, но это ничего не меняло. Её выдернули в реальность, в действительность, в настоящее время женского рода единственного числа.

Дворы, в которых она оказалась на этот раз, нельзя было объединить по общему признаку, и Алису это раздражало. Так легко и просто наклеить клеймо: тут иные миры, тут зеркальные коридоры, тут чопорная история культуры. Здесь же – ну самые обычные дворы, в которых живут обычные современные люди. Вот антенна, вот офис с пластиковыми окнами. Здесь автомобили стоят в четыре ряда. Окно открыто, кто-то смотрит новости. Алиса ускорила шаг: ей хотелось убежать от этой скучной, пресной современности обратно в детство.

– Ай! – воскликнула она. Когда вбегаешь под своды сумрачной арки, надо смотреть под ноги, а не то каблук застрянет в трещине асфальта.

Чуть помедлив, эхо отозвалось на этот вскрик густым тяжёлым стоном.

Алиса ускорила шаг. Вот огромное старое дерево: не дуб и не ясень, а клён. Зато на его ветвях сидят сразу три кота с очень пушистыми хвостами. Ещё один двор. Мраморный ангелочек в окружении розовых кустов. А если не поворачи-

вать в следующий двор, а пройти между домами?

Алиса уже почти бежала: как будто за ней гнались те люди с фотоаппаратами. Она двигалась вперёд по наитию, чувствуя если не знакомый запах, то нечто, напоминавшее тот прежний дух детства – пока не уткнулась носом в решетку. Бдительные жильцы решили оградить свой двор от посторонних.

– Ну уж нет! – сжала зубы Алиса и набрала на кодовом замке первую пришедшую в голову комбинацию цифр. Замок щёлкнул, и калитка открылась. Алиса не знала, что эта чудесная дверца распаивается перед всяким, кто не побойтся нажать хотя бы на одну кнопку. Ей показалось, что это знак.

Она вбежала во двор, слишком просторный, непонятно как оказавшийся здесь, словно принесённый течением из другой части города.

Хорошо, что на ней тёмные очки – кажется, она плачет, и тушь наверняка размазалась.

– Ай! – снова воскликнула она. Эхо ничего не вернуло ей взамен. – Простите!

Так спешила навстречу любимой истории, которую нашла, сама нашла, что налетела второпях на какого-то парня.

Парень взглянул через плечо, как бы раздумывая, прощать или не прощать.

И тут реальность вновь оттолкнула сказку. Кажется, уже насовсем.

Никакие очки, никакая маскировка не скроют от пронизательного взгляда младшего брата.

– Алиса? Почему ты не предупредила меня о том, что придёшь?

– Привет. А почему я должна отчитываться?

– Нет, ты не должна отчитываться. Но я бы встретил тебя, и потом...

– Да-да, это очень хорошо. А сейчас – две минуты. Ты молчишь две минуты, меня не дёргаешь, и потом мы делаем вид, что ты меня встретил, и дальше делай, что хочешь.

– Как скажешь.

– Вот и волшеббно.

Алиса зажмурилась. Раскинула руки и стала вертеться вокруг своей оси, хватаясь за ветер. Потом остановилась и открыла глаза. Он стоял перед ней, он ждал её. Мёртвого Хозяина Дом – ещё более настоящий, чем тогда.

Он стал как будто ниже: врос в асфальт? Или выросла сама Алиса? Но чья-то рука вставила стёкла, покрыла крышу черепицей. Кто-то посадил вьющиеся растения, оплетающие фасад. Кто-то выкрасил дверь и повесил на неё домофон.

Алиса подошла к стене и погладила её рукой. Теплая и шершавая, как шкура какого-нибудь древнего ящера. И дышит? Нет, показалось. Интересно, а где окно, в которое они с дедушкой заглянули, когда тайна этого дома чуть не открылась перед ними?

Даже тысяча Денисов не испортит радость от этой встре-

чи. Вот только было бы лучше прийти сюда завтра – уже без него. Потому что – ну это же младший брат. Он же ровно через две минуты, ни секундой раньше, подойдёт к ней и скажет: «А теперь идём, я прослежу, чтобы с тобой ничего не случилось». Как будто она балбесина малолетняя, которая то и дело влипает в неприятности!

Денис и в самом деле подошел через две минуты и сказал:

– Тебе нравится? Хочешь зайти внутрь?

– Хочу!

Он подошел к двери, нажал на кнопку домофона. Раздалось шипение, словно старую пластинку поставили.

– Наташа, со мной гость.

– Стартую! – хихикнула невидимая Наташа, и дверь открылась.

– Твоя тёлочка тут живёт? – спросила Алиса.

– Да я же здесь работаю, – ответил Денис, – тебе ведь родители адрес дали?

Родители! Родители и не знают, что она здесь. Думают – уехала с очередным случайным знакомым куда-нибудь в Мексику.

Дом замер, как будто прислушиваясь к незнакомым шагам. Брат и сестра поднялись по лестнице на второй этаж, вошли в просторную, захламлённую, но уютную залу.

– Дениска, ну ты бы хоть ключи не забывал. Надоело мне всех вас впускать по десять раз на дню, – крикнула из-за конторки у стены милая девушка (видимо, Наташа).

– Я не забываю ключи. Просто со мною гость. Я счёл необходимым предупредить.

Девушка поглядела с интересом. Потом – с узнаванием. Потом – с восторгом.

– Это – моя старшая сестра, Алиса, – тяжело вздохнув, сказал Денис, – как многим известно. Она здесь в качестве моего гостя и моей сестры. Мы сейчас пойдём ко мне. Когда Шурик вернётся – предупреди его.

Денис прошёл залу по диагонали и распахнул дверь, жестом приглашая Алису войти.

Они оказались в коридоре, похожем на таинственную тропу, ведущую к пещере с драгоценностями. Но в конце пути обнаружилось обычное офисное помещение. Денис уступил сестре кресло, себе подвинул стул.

– Ты что, действительно здесь работаешь? В Доме Мёртвого Хозяина? А что тут у вас вообще? – поинтересовалась Алиса. Она не стала садиться, подошла к окну и выглянула на улицу. Ну да, тот самый двор. Как необычно смотреть на него чуть сверху.

– Откуда ты знаешь про Мёртвого Хозяина? – строго спросил Денис.

– Думаешь, дедушка только тебе рассказывал?

– Дедушка? О чём тебе рассказывал дедушка?

– О Мёртвом Хозяине. О том, что он умер, но продолжает жить в этом доме. Ну, вспоминай. И о том, что никто никогда не должен тревожить его покой. А мы тревожим.

– Я знаю эту байку. Но от дедушки её не слышал. Неужели он интересовался такими несерьёзными вещами?

Алиса мысленно показала брату-зазнайке язык. Дедушка знал, кому рассказать эту сказку. «Байка», надо же. Но занудный мальчишка попался очень кстати: сам не зная о том, каким сокровищем владеет, он привёл её сюда. А уж она не будет зевать.

Родители говорили, что Денис работает в филиале московского издательства. Наверное, кто-то купил этот дом, отремонтировал и сдал под офис. И раз Мёртвый Хозяин не воспротивился этому – значит, ему нравится такое положение вещей. А раз оно ему нравится – значит, он где-то рядом.

– Надо же, ты работаешь в самом центре Гримпенской трясины, – сказала Алиса, возвращаясь к столу.

– Где?

– Ну, в центре болота как бы. Господи, да что же ты тугой такой. Ну, болото. На болоте – город. А тут – его центр.

– Это я понял. Я не понял, где смеяться надо.

Не найдя, что ответить, Алиса достала из сумочки телефон и позвонила Василию, чтобы сообщить: искомое найдено и теперь она задержится тут, возможно, надолго.

– Зачем было искать, просто позвонила бы мне, я бы тебя встретил, – заметил брат.

Он, видимо, воображает, что она нарочно примчалась, чтобы увидеть его величество!

– Жить будешь у меня, – продолжал Денис. – Никаких го-

стиниц. И вообще, тебе пора браться за ум. О тебе постоянно пишут в журналах.

– А о тебе пишут?

– Разумеется, нет!

– А может, это тебе пора браться за ум? Чтобы о тебе, наконец, стали писать в журналах?

– Займись каким-нибудь делом, – не обращая внимания на насмешку, гнул своё Денис. – Неужели тебе не противно порхать вместе с этими пустоголовыми куклами? Ты же всегда была умной. Что тебе мешает заняться делом?

– Делом? При такой внешности у меня нет никаких шансов.

– В смысле? – не совсем понял Денис. Ему всегда казалось, что даже по самым строгим меркам его старшая сестра – настоящая красавица.

– Можно быть хоть Софьей Ковалевской, но никто в это не поверит. Можно выиграть шахматный турнир с самым умным компьютером в мире – скажут, что он влюбился и поддавался.

– Поэтому ты забросила шахматы?

– Да. Девчонки боялись со мной играть, потому что я их всех обставляла, а мальчишки поддавались, потому что идиоты, потому что думали, что они мне так понравятся.

– Я думал, тебе надоели шахматы. Я бы не стал поддаваться.

– Я сама не поняла. А потом забыла. А теперь я сама как

шахматный компьютер. Приходится следовать программе и ходить по клеточкам. Журналисты уверены, что я живу для того, чтобы у них была работа. Они не понимают, что я просто так живу. Я не могу как ты, мне всегда надо быть среди людей. Но только, пожалуйста, уберите камеры.

– Если не знаешь, чем заняться – займись чем угодно.

– Я пробовала. Но в этих наших Интернетах тут же появляется баннер: «Дочь знаменитых родителей всех шокировала!» Чем я кого шокировала? Тем, что не пляшу голая на стойке бара с коктейлем за тысячу евро в руке, а пошла на курсы веб-дизайнеров, чтобы хоть чему-то научиться?

– А научилась хоть чему-то? – с сомнением спросил Денис.

– Ну да. Хотя училась только я, а остальные отирались во круг, чтобы было, о чём рассказывать в компании. Поэтому меня попросили уйти, чтоб не мешать работе группы. Преподаватель был готов заниматься со мной отдельно, за тройную плату. Но об этом узнала его жена...

– А женщину-преподавателя ты найти не пробовала?

– Нашла. Только она начинала каждое занятие с телеги на тему «Ну, конечно, с такой внешностью вам совсем необязательно понимать это, это и это, поэтому давайте займёмся чем-нибудь попроще». А мне неинтересно попроще. Мне интересно – понимать.

Алиса сама не ожидала, что скажет такое, и притихла. Брат тоже молчал. Кажется, до него начало доходить.

Тишину нарушил звонок телефона, который вывел Дениса из замешательства.

– Здравствуйте, издательство «Мегабук», – сказал он в трубку.

– Ты, значит, свободен? – раздался голос Константина Петровича. – Быстро к шефу! Ему нужно срочно завести личный блог.

– Я не уверен...

«...в том, что могу быть достаточно компетентен в этом вопросе», – проглотил окончание фразы Денис.

Короткие гудки. Цианид дал задание – остальное его не касается.

Денис не любит эти командирские нотки, не любит манеру коммерческого директора отрывать человека от дела для выполнения незначительного задания «по приказу шефа». Все знают, что Даниил Юрьевич не требует к себе такого подобострастного отношения. Но у Кости это желание угодить начальству, видимо, в подкорке сидит.

– А я тебе дело нашёл, – взглянув на Алису, сказал Денис. – Поможешь нашему шефу завести блог?

– А он симпатичный? Сколько ему лет, например? Женат, холост, разведён?

– Я думаю, когда ты его увидишь, все вопросы отпадут сами собой.

– Что, любая женщина в мире мечтала бы ему отдаться? – насмешливо поинтересовалась Алиса. Денис вспыхнул, на-

хмурился, но не смог ничего сказать в ответ. Сестра с невыносимой тоской поглядела на брата и продолжала:

– Это цитата, ты должен был узнать её и включиться в игру. Ты такой ужасно скучный, что в одном помещении с тобой мне становится тяжело дышать. Ладно, рассказывай, где найти вашего волшебного шефа. Может, он не такой нудота.

* * *

Убедившись в том, что Алиса наконец-то нашла Мёртвый дом без хозяина, или как она там его называла, Василий решил навестить небольшую кофейню, в которой он давненько не появлялся. Она тут как раз неподалёку. Время есть – можно и «Пепси» выпить, и людей посмотреть, и о себе напомнить.

Припарковавшись в соседнем дворе, он вышел на улицу, с удовольствием потянулся, отметил, что на небе появились облака, а это значит, что сегодняшняя ночь, возможно, будет не такой душной, как вчерашняя, и направился к знакомой двери. Как всегда, на грифельной доске у входа красовалась очередная наивная завлекалочка, нацарапанная печатными, чуть неровными буквами. На этот раз там значилось, что «Павел уже печёт огромный шоколадный торт, которого хватит на всех, ждём вас вечером».

Василий только ухмыльнулся: подобные рекламные потуги на него лично не действуют, о нет. Хотя за тортом вече-

ром надо заехать.

Он улыбнулся ещё шире, когда обнаружил, что за барной стойкой снова стоит Она – девушка, которая вечно всё делает не так, как надо, по-русски говорит неправильно, и всегда очень смешно реагирует, когда ей указывают на ошибки. День, определённо, задался.

Местный охранник, носивший на груди бэйдж с надписью «Костыль» и напоминавший своими манерами скорее мелкого вымогателя, чем секьюрити, ленивой походкой вразвалочку подошел к Василию и процедил сквозь зубы:

– Гражда-анин, напоминаю, у вас уже три предупреждения, – он выкинул вверх три пальца. – После четвёртого вам придётся па-акинуть заведение. По воздуху.

– А что же, мне уже нельзя попить прохладительных напитков? Я вообще только вошел. К тому же, я обещал хозяину не разговаривать с этой дамой, пока нога моя не покинет территорию его заведения. Кстати, она тоже обещала помалкивать.

– Ладно. Проходите.

Анна-Лиза стояла за барной стойкой, наслаждаясь безмятежным покоем послеобеденного времени, и протирала чистой тряпицей и без того идеально блестящие чашки. И вдруг!!!

– Семь человек бегите сюда меня держать! Опять энергичный вампир пришлялся! – закричала она на весь зал. Немногочисленные посетители вздрогнули, но тут же вернулись к

своим делам – они хорошо знали Анну-Лизу. Костыль тоже не побежал её удерживать, а лишь помахал рукой, сложив колечком большой и указательный палец – мол, всё ОК, всё под контролем.

Василий медленно подошел к витрине со сладостями и придирчиво стал рассматривать пирожные, торты и прочий десерт. На лице его при этом отражалось страдание пополам с сомнением.

Шум за окном утих, солнце скрылось за облаками. Сидевший в углу молодой человек с ноутбуком перестал стучать по клавишам. Дама с томиком стихов, помешивавшая ложечкой чай, замерла. Подружки – брюнетка и блондинка – с одинаковым пирсингом и одинаковыми брекетами на зубах – смолкли разом. Даже диджей радиостанции, находившейся за много километров от «Феи-кофеи», что-то почувствовал и на всякий случай сменил бодрый хит сезона на вечную классику.

Наконец, Василий сделал выбор и указал пальцем сначала на сэндвич с мясным салатом, потом – на бутылку «Пепси-колы».

Анна-Лиза выбила чек и показала клиенту сумму. Тот полез в задний карман джинсов за бумажником. Прекрасная барменша немного расслабилась, поправила причёску и, на свистывая себе под нос классическую мелодию, которую передавали по радио, принялась раскладывать на подносе приборы.

Василий положил деньги на прилавок, барственным жестом показав, что сдачи не надо. А потом, используя весь отпущенный ему природой актёрский талант, изобразил, что на голове Анны-Лизы нет поварского колпака или косынки, и поэтому волосы целыми пучками летят в еду, в напитки, и вообще разлетаются во все стороны. Анна-Лиза показала в ответ, как голова капризного посетителя отлетает в сторону, и летит, летит, летит...

Василий подхватил поднос и, страшно довольный этой пантомимой, сел напротив барной стойки, чтобы лучше видеть эту девушку и тем самым ещё больше её изводить.

Вообще-то Анна-Лиза не собиралась работать в кафе. Старшие братья хором твердили, что ей очень повезёт, если её возьмут посудомойкой на заправочную станцию, а если за барную стойку пустят – то, считай, она вытянула счастливый билет, но сама она знала, что всё будет по-другому. И всё было по-другому. Пока однажды утром она не проснулась рядом с человеком, от которого ей почему-то не захотелось уезжать в тот же день. И на следующий день тоже. И ещё через неделю. И через месяц.

Этот человек, этот Йоран, не пытался удерживать её, и это её держало. Он ничего от неё не требовал – и она стала требовательной к себе. Он никогда ни о чём не просил – и получал больше, чем мог бы пожелать.

Под крышей у Хозяина Места каждый находит, вернее, воображает, будто он нашел то, что ему нужно. Анна-Лиза

увидела в «Фее-кофее» настоящую дружную семью, которой у неё никогда не было. Большая семья у неё была, это правда. Но дружной её назвать было нельзя.

Поскольку все в «семействе Йорана» были заняты делом, Анна-Лиза – именно потому, что никто не требовал от неё этого – предложила свою помощь. Сначала она попробовала подменять Костыля: ей приглянулась форма охранника, очень похожая на военную. Дубинку ей выдавать отказались, и она прицепила на пояс мужской складной чёрный зонтик. Но драк в «Фее кофе» не было, и она быстро заскучала.

Тогда она стала подменять бармена в самое малолюдное время. Вскоре у неё, как и у Джорджа, появились свои поклонники и поклонницы. Всё было хорошо до тех пор, пока в кафе не зашел Василий. Анна-Лиза, надо признать, сразу пленила его своим очаровательным несовершенством. Сколько в ней было непосредственной дикости! В первый же день он не удержался от того, чтобы подчеркнуть особенно пленительные детали:

– Вы говорите с ужасными ошибками, вам нельзя работать с клиентами. А «Пепси» вы открываете неправильно, надо с другой стороны. А ещё у вас такие духи, что они отбивают аромат пирожных.

– Вы недовольный? Идите есть в других местах, – пожала плечами Анна-Лиза.

– Я очень довольный и я не хочу идти в другие места. Я хочу, чтобы в этом месте стало ещё лучше. Вот, например, вы

должны были молча выслушать мои претензии и постараться в следующий раз их учесть.

– Следующий раз будет без меня! – отрезала Анна-Лиза. Что-то сдерживало её: при других обстоятельствах она давно бы уже вылила за шиворот капризному зануде бутылку «Пепси-колы» – пусть умоется.

Когда вредный дядька отобедал и вышел на улицу, она выскочила следом и догнала его. Василий обернулся:

– Хотите принести свои извинения за недостаточно квалифицированный сервис? Я вас уже простил.

Анна-Лиза молча замахнулась и услышала:

– Вы неправильно держите руку. Дать пощёчину так, чтобы в ушах зазвенело, можно, только если кисть не напряжена.

Анна-Лиза с интересом посмотрела на свою кисть и махнула рукой.

– Звените ушами где-нибудь без меня! – отрезала она.

– Кстати, если бы вы не пренебрегали курсами русского языка, то эта фраза звучала бы...

Но Анна-Лиза уже захлопнула за собою дверь кафе.

На следующий день Василий в то же самое время стоял перед барной стойкой. Увидев его, Анна-Лиза развернулась, попросила Джорджа заменить её кем-нибудь хотя бы на неделю, и заявила, что придумает себе какое-нибудь другое занятие.

Через пару дней во двор со стороны служебного входа

в «Фею-кофею» въехало чудовище: ярко-розовый джип, по которому в разные стороны бежали чёрные поджарые олени на тонких злых копытцах. Из чудовища выпрыгнула Анна-Лиза в изумрудно-зелёной тунике с золотым поясом и в розовых туфлях под цвет джипа, с сумочкой в тон.

– Что это за..? – проморгавшись, спросил Джордж.

– Это – новый тюнинг! – гордо отвечала хозяйка расписного автомобиля.

– Унесите тюнинг!

– Это будет доставляющая служба! У нас ведь должна быть доставляющая служба товаров! Я буду возницей. Смотри, как это нам подходит: розовый – радостный цвет детства. А оленей все любят, и сразу думают про Санта-Клауса.

– Про Сатан-Клауса они подумают, когда увидят твоих адских оленей.

– В этом даже большой стиль!

– Я так не думаю, – коротко ответил Джордж и удалился в служебные помещения.

Через день он согласился сесть в стильный автомобиль с олешками.

Через неделю придумал, как можно организовать службу доставки.

В конечном итоге эта идея стала ещё одной фишкой заведения: при всей маневренности и быстрходности своего четырёхколёсного друга, Анна-Лиза не могла объехать за день более двенадцати мест, а заранее сделать заказ было нельзя.

Таким образом, некоторые фанаты даже специально вставляли в шесть утра только для того, чтобы успеть назначить свидание с розовым джипом.

Заказы с сайта снимал Джордж. Каким-то образом он успевал теперь ещё и это.

Служба доставки стала для Анны-Лизы маленьким уголком вседозволенности. Она нарушала правила движения так цинично, что её ни разу не оштрафовали. Она неслась по ночному шоссе, чтобы доставить горячий пирог на вечеринку в Лисий Нос. Она знала все объездные пути, и её автомобиль видели в самых разных уголках города. Иногда она чувствовала след носителя, и тогда её воля раздваивалась: хотелось отправить джип на автопилоте отвозить заказ, а самой выйти и отправиться по следу этого, с виду ничем не приметного человека. Но ведь носитель никуда не денется, зато заказ может остыть. И она мчалась дальше.

Василий допил «Пепси-колу» и жестом потребовал ещё одну бутылочку.

Анна-Лиза считала минуты до конца своей смены: ей хотелось поскорее избавиться от общества неприятного посетителя. «Только заговори, выкройку из твоего черепа сделаю!» – свирепо думала она. Но, как назло, негодяй чувствовал границы, за которыми его поджидала опасность, и никогда их не переходил.

Сгушавшиеся было тучи рассеялись. Диджей на радио вновь поставил весёлую танцевальную музыку. Молодой че-

ловек с ноутбуком бойко застучал по клавишам. Дама с томиком стихов отмерла, перевернула страницу и слегка передвинула стул. Девушки с пирсингом и брекетами разом вспомнили что-то интересное и застрекотали пуще прежнего. За окном промчался мотоцикл со встроенной аудиосистемой.

Анна-Лиза обернулась – рядом с ней стоял Джордж. Как он умеет так бесшумно подкрадываться?

– Надо же, твой главный поклонник пришел, – сказал он, указывая взглядом на Василия. – Думал, он перестанет тебя доставать после того, как вам запретили друг с другом разговаривать.

– Он и не разговаривает словами. Но достаёт движениями и лицом!

– Придётся его разочаровать. Пришел заказ от наших любимых рекламщиков. У них какой-то мозговой штурм, они опять будут сидеть до ночи, и им нужна целая гора еды. Ребята собрали уже, ты отвезёшь? Я подменю тебя, пока наши девчонки не вернутся с обеда.

«Любимые рекламщики» заказывали много, платили щедро, и все сбегались на кухню, когда приезжала Анна-Лиза. Очень её любили, а некоторые фразы за ней даже записывали.

Она вышла во двор через летнюю веранду, погрузила коробки и бумажные пакеты на заднее сидение, села за руль и вдруг обернулась.

Следом за ней, со стаканом «Пепси» в руке, бежал Василий и кричал:

– Кто ж так паркуется, а? А как вы разворачиваться собираетесь, вы же крыло так снесёте! А пристегнуться ремнём безопасности не хотите ли?

Анна-Лиза газанула и, ловко миновав узкое место, дворами уехала прочь.

За спиной у Василия материализовался Костыль.

– Последнее предупреждение, дядя, – страшным хриплым голосом сказал он. – Ща полетишь.

– Молодой человек, фильтровали бы вы свой базар! – надменно отвечал Василий. – В данный момент ни одна из двух моих ног не находится на территории вашего заведения. Это – свободная территория, и я могу говорить, кому хочу и что хочу.

Костыль скрипнул зубами и скрылся в помещении. Василий залпом допил «Пепси», сел на веранде и достал из кармана электронную книгу: в ожидании Алисы можно было немного расслабиться и перечитать «Политику» Аристотеля.

* * *

Не дожидаясь помощников, Даниил Юрьевич решил сам разобраться в Интернете. Нашел Яндекс – это была страница, установленная по умолчанию. С помощью Яндекса нашел Google. Потом с помощью Google – ещё раз нашел Ян-

декс. Повторил операцию. В сущности, ничего ведь сложно-го. Опять Яндекс. Опять Google.

Дверь в кабинет отворилась. Вошла незнакомка, пахну-щая духами и помадами. Очень странно. Заговорённая дверь открывается только перед тем, кто скажет волшебное слово – «пожалуйста», или, допустим, «будьте любезны, уважаемая дверь». Обычные люди к дверям относятся без всякого по-чтения. Только разве что агенты по недвижимости вежливы и предупредительны с домами куда больше, чем с людьми.

– Здравствуйте! Какой всё-таки отличный дом! – улыбну-лась незнакомка.

Ну, точно. Агент по недвижимости. Не было в этом ника-ких сомнений. Давненько они не заходили сюда.

– Здравствуйте, – ответил Даниил Юрьевич, – дом отлич-ный. Но это ничего не меняет. Я сразу вас признал, едва вы только вошли.

– Да, люди меня часто узнают, – призналась агентша. – Ремонт у вас шикарный, но всё очень сдержанно, очень в северном стиле. Особенно здесь, в этом кабинете. В других помещениях не так.

– В других?

– Ну да. Я же сначала я обошла всё здание, прежде чем к вам идти. Это ведь старинный дом, ужасно милый. Я так рада, что он сохранился. Знаете, мне казалось, что дедушка его придумал.

«Зачем я всё это говорю? Как курица провинциальная

– про бабушку своего вспомнила!» – тут же одёрнула себя незнакомка.

«Бабушка придумал? Значит, какой-то мерзопакостный бабушка решил мой дом купить?» – пронеслось в сознании хозяйина.

Оказалось, что никуда не ушло это ощущение беспомощной ярости, которое связывало шефа Тринадцатой редакции с миром живых. Он снова, как тогда, уже почти сто лет назад, схватился за грудь и глухим, тягучим голосом спросил:

– Кто вам позволил без приглашения врваться в чужой дом? Я сейчас же... сейчас...

Он поднялся из-за стола – суровый и холодный. На его лице не отражалось ничего, это было ещё страшнее.

– Да нет, вы что, я же не с улицы вдруг пришла! – отпрыгнула агентша. – Действительно, глупо, вы могли подумать – раз Владимирская, то может так – хоба – дверь ногой открыть. Но вы не верьте тому, что пишут про меня в Интернете! Одна треть врёт за деньги, другая треть – выдумывает от души, а третья треть... Нет, ну я, конечно, не мать Тереза.

– Я перестал вас понимать, когда вы так затараторили, – опускаясь на своё место, признался шеф, – а в Интернете про вас я ничего не читал. Это могу гарантировать.

– Ну точно, Денис же сказал... Да, вы меня правильно узнали, я – Алиса Владимирская. Мерзкое сладострастное чудовище, олицетворение всех самых жутких пороков общества потребления.

– А! Так вы – старшая сестра Дениса, – вдруг понял шеф. – Я вас совсем не так представлял по его рассказам. Знаете, я вас вообще сначала принял за агента по продаже недвижимости.

– Как мило! Я люблю, когда меня не узнают, – Алиса подошла поближе. – А вышло так, что брату позвонил какой-то здешний промежуточный начальник и сказал, что вам нужен блог. Я предложила свою помощь... вы ведь не возражаете, если я буду вашим проводником в Матрицу?

– Ох, Костя, – покачал головой Даниил Юрьевич, – ну, если вас это действительно не затруднит, тогда прошу, присаживайтесь на моё место. Я сейчас принесу себе ещё один стул.

Шеф Тринадцатой редакции проворно поднялся на ноги. Алиса окинула его взглядом так, что Мёртвый Хозяин на какое-то мгновение почувствовал себя недвижимостью, которую пришли оценивать, но тут же прогнал это ощущение.

Алиса уверенно уселась за стол, придвинула к себе клавиатуру и деловито спросила:

– Для чего вам нужен блог? Первое – это цель.

– Цель? Ну, а какие бывают цели? – растерялся шеф. За стулом он так и не пошел, замер за плечом у компьютерно-грамотной девы, вдыхая ароматы её духов и шелков.

– Например: вы хотите посвятить этот блог культурному памятнику. Дому Мёртвого Хозяина.

– При чём тут опять Дом?

– Ну, не сердитесь на меня. Просто вы наверняка знаете о нём какие-нибудь истории, и я подумала... А в Интернете вообще ничего найти нельзя, кроме одной легенды, которую все пересказывают своими словами.

– Боюсь, мне нечего добавить к этой легенде. А блог я хочу посвятить своему начальнику, который считает, что я отстал от жизни.

– Невозможно отстать от жизни, если ты живой, – как бы между прочим заметила Алиса. – Только мёртвые отстают от жизни.

«Если бы шемоборы были такими же наивными и прямолинейными, как эта собирательница городского фольклора, Костя бы вдвое сократил жалование наших Бойцов», – подумал Даниил Юрьевич. Давненько никто не захаживал сюда в надежде раскрыть тайну его Дома: журналистам эта тема быстро надоела – всё, что было можно из неё выжать, они и так выжали, а школьники обленись, и вместо того, чтобы разведывать и вынюхивать, качают рефераты прямо из Интернета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.